

УДК 342.4
ББК 67.400
К78

Рецензенты:

заслуженный юрист Российской Федерации, д.ю.н., профессор
В.Б. Евдокимов;

заслуженный юрист Российской Федерации, д.ю.н., профессор
В.А. Кряжков

Краснов, М. А. Введение в конституционное право с разъяснением сложных вопросов: учеб. пособие [Текст] / М. А. Краснов ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 454, [2] с. — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-1766-6 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-1822-9 (e-book).

В книге раскрываются смысл и содержание наиболее сложных для понимания конституционно-правовых явлений, таких как конституция, правовое государство, демократия, светское государство, республика и др. Основопологающие категории рассматриваются в их историческом развитии и с позиции разных исследователей. Автор привлекает образные сравнения, метафоры, использует иные приемы, для того чтобы перед читателем возник зримый образ кажущихся отвлеченными понятий.

Для студентов юридических вузов, обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры, а также всех интересующихся историей становления российской Конституции и проблемами конституционного права.

УДК 342.4
ББК 67.400

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-1766-6

ISBN 978-5-7598-1766-6 (в пер.)

ISBN 978-5-7598-1822-9 (e-book)

© Краснов М.А., 2018

Содержание

Об этом издании.....	7
Принятые сокращения	11
1. СОВЕТСКИЙ ТИП ВЛАСТИ	13
Родовые черты советского типа государства.....	16
«Россия — единая фабрика»	17
«Советы — работающая корпорация».....	25
«Партия — авангард трудящихся»	32
Мессианство vs. эффективность	39
Контрольные вопросы.....	47
Рекомендуемая литература	48
2. КОНСТИТУЦИЯ И КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТРОЙ.....	49
О термине	51
Рождение конституции современного типа.....	55
Конституционализм как родовой признак конституции.....	61
Два односторонних подхода к пониманию конституции.....	65
Формально-юридический подход	65
Миф о «сталинской конституции».....	67
«Социологический» подход. Концепция Ф. Лассалья	71
Значение конституции.....	81
Из истории создания действующей Конституции РФ	84
Незавершенная революция	84
Соединение несоединимого	88
Несправедливое «распределение ролей»	91
Борьба за власть или попытка завершения революции?	101
«Ответы на конституционные страхи».....	107

Содержание

Свойства конституции.....	113
Конституция — концентрированное выражение права	113
Высшая юридическая сила и верховенство	121
Особый порядок изменения.....	127
Необходимость гарантирования	133
О прямом действии Конституции.....	166
Контрольные вопросы.....	173
Рекомендуемая литература	174
3. ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РОССИИ.....	177
Конституционный строй и его основы	179
Человек, его права и свободы — высшая ценность.....	185
Венец творения.....	185
Человек и государство: принцип баланса.....	193
Почему в Конституции появилась статья о ценности человека	195
Спор с противниками признания человека высшей ценностью.....	200
Российское гражданство.....	207
Что такое гражданство и каково его значение.....	207
Принципы российского гражданства	210
Правовое государство	223
Смысл правового государства	223
Право и закон.....	230
Право и правосознание	232
Отражение принципа правового государства в российской Конституции	237
Республиканская форма правления и демократическое государство.....	257
Республика: трудности определения.....	257
Демократия как «l'enfant terrible»	265
Превращение «гадкого утенка»	270
Размытое понятие	277
Основные элементы демократического государства.....	280

Местное самоуправление	313
Антипод местного самоуправления	313
Два смысла местного самоуправления	315
Федеративное государство.....	320
Федерация как соединение сил.....	321
Федерация как способ разрешения конфликта.....	326
Статус субъектов федерации	332
Основные признаки федеративного государства и особенности Российской Федерации	340
Социальное государство	346
Рыночная (конкурентная) экономика	358
Светское государство	364
Соединение религиозного и светского	364
О концепции «симфонии властей»	370
Проблемы, связанные с понятием «светское государство»	380
Свобода совести.....	399
Контрольные вопросы.....	406
Рекомендуемая литература	407
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	411
Советский тип власти (пятый сон Веры Павловны).....	411
БИБЛИОГРАФИЯ.....	425
Работы классиков философии, права, богословия, истории и социологии.....	425
Монографии, диссертации, авторефераты диссертаций	429
Научные труды в сборниках и хрестоматиях, главы в монографиях	433
Статьи в научных журналах	435
Комментарии к Конституции Российской Федерации	439
Учебники и учебные пособия.....	440
Словари, энциклопедии и иные справочные издания.....	441
Статьи, речи, письма К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина	442

Содержание

Политические, публицистические, популяризаторские, художественные произведения, сообщения в прессе.....	443
Международно-правовые акты и международные договоры России (в порядке хронологии)	446
Нормативные правовые акты (в порядке хронологии).....	446
Судебные решения (в порядке хронологии).....	448
Иные документы (в порядке хронологии).....	451

Об этом издании

Когда я учился на юридическом факультете, новые термины и понятия так и сыпались на голову. Конечно, в учебниках они объяснялись, давались их определения. И для сдачи экзаменов этого было достаточно. Но, уже начав работать по специальности, я обнаружил, что учебные знания не позволяют мне (как я сам это воспринимал) «потрогать» то или иное понятие, т.е. как бы увидеть его образ, понять его смысл, предназначение и благодаря этому правильно применить его при анализе и оценке того или иного явления. Поэтому мне показалось полезным написать книжку, которая поможет еще на стадии учебного постижения некоторых понятий конституционного (государственного) права сделать их менее отвлеченными, менее «одномерными» и, надеюсь, более ясными.

Почему книга называется «Введение в конституционное право»? Потому, что она посвящена уяснению смысла наиболее важных и в то же время сложных понятий, которые применяются российской Конституцией и составляют основу конституционного права как науки и как отрасли. Постигая их, вы как бы приоткрываете завесу над одной из самых философских среди юридических дисциплин, входите в мир конституционного права. Без понимания основополагающих категорий вы не будете способны критически оценивать действительность, законы, политические решения и т.п., следовательно, не сможете быть хорошими юристами, где бы вы ни работали.

Есть и другое объяснение. С одной стороны, вы столкнетесь с попыткой автора (удачной или неудачной — судить вам) произвести, так сказать, *редукцию* некоторых понятий, т.е. свести их к несколько упрощенной схеме. Такой метод я применил в учебных целях. С другой стороны, текст насыщен изложением разных мнений, точек зрения, что, в общем-то, противоречит стремлению упростить сложную материю. Однако если бы я отказался от этого второго пути, данную работу можно было бы назвать «Популярным конституционным правом», «Конституционным правом для домохозяек» и т.п. Для тех же, кто готовится стать профессионалом, она оказалась бы бесполезной. Знакомство с разными позициями, теоре-

тическими и практическими проблемами как раз и есть составная часть *введения* в сложнейший мир конституционного права.

Многие из анализируемых в настоящей книге понятий одновременно являют собой основные *конституционные ценности*. А ценность, как ее кратко определяет философская наука, это человеческое, социальное или культурное значение определенных явлений действительности¹. Проще говоря, то, что считается более (или даже наиболее) важным, значимым для человека и общества в целом.

Для того чтобы нечто стало для человека ценностью, он, естественно, должен понимать смысл, предназначение и значимость данного явления. Вот почему я старался объяснить, в чем состоит ценность и конституции, и основных принципов конституционного строя. Достоинство, свобода (физическая, духовная, творческая), собственность, материальное благополучие и многое другое (точнее, защита этих ценностей) зависят (иногда напрямую) от того, каковы основы данной государственности и насколько они реальны.

Некоторые суждения, высказанные в книге, авторские подходы, выводы могут показаться непривычными. Это не следствие моего стремления к оригинальности, а результат осмысления тех идей, о которых в свое время писали умнейшие и образованнейшие люди. Именно поэтому в работе много цитат: хотелось, чтобы вы почувствовали дух произведений разных мыслителей. Так что предлагаемое издание можно считать своего рода паллиативом хрестоматии. Кстати, поэтому при первом упоминании того или иного автора полужирным шрифтом выделено его имя, а кроме того, в скобках приводятся годы жизни тех, кто уже умер.

Структурно работа состоит из трех частей, которые разбиты на условные разделы и подразделы. Тем самым я даже «эстетически» отошел от традиционного учебника и потому, за исключением основных частей, не нумеровал структурные единицы.

Часть, посвященная краткому разбору того, что являл собой *советский тип государства*, может показаться в данной работе ненужной. Но я убежден, что разговор об этом необходим. Ведь любая новая система социальных отношений несет на себе отпечаток (и остатки) предше-

¹ См., например: Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 765.

ствующей. В значительной степени это относится к советской системе, основанной на совершенно ином мировоззрении и иных принципах. Соответственно, для понимания того, почему именно данные понятия и в данном преломлении фигурируют в Конституции РФ, а также для трезвой оценки действительности следует знать, «из какой “шинели” вышла»* существующая общественная и государственная система России.

⇒ * Перефразировано известное выражение, приписываемое Ф.М. Достоевскому: «Все мы вышли из “Шинели” Гоголя».

Кроме того, та «картина мира», которая была «усвоена» советским человеком, не исчезла с появлением новых институтов и в силу социальной инерции оказывает влияние на становление принципиально иной государственной и общественной системы. Тем более что в государственном аппарате (в его широком понимании) до сих пор работают множество людей, чье нравственное и профессиональное становление пришлось на советское время. Социальный стереотип есть широко распространенный схематичный образ социального объекта. А значит, мы можем лучше понять современное состояние общества и государства, если выясним, на основе чего возникли и сформировались советские стереотипы.

Вторая часть книги посвящена *феномену конституции*. Без осмысления того, что представляет собой конституция в современном мире, затруднительно понять и что такое конституционный строй, каковы его основы, или главные принципы. О сущности конституции спорят уже два века. Не потому, что ученые не могут постичь этот феномен, а потому, что в зависимости от своего мировоззрения они по-разному его трактуют. Поэтому я постарался, пусть и схематично, представить различные подходы к пониманию смысла конституции и обрисовать тот, который считаю более верным.

В этой части, однако, говорится не только о понимании конституции. Естественно, я не мог обойти вниманием вопрос и о характере отечественной Конституции 1993 г., а также об исторических условиях, которые во многом предопределили ее особенности.

Наконец, в последней, третьей части анализируются *основы конституционного строя России*. Конституция России (как и всякий иной подобный документ) обладает свойством *системности*, в связи с этим

многие положения ее глав являются конкретизацией, раскрытием основ конституционного строя, закрепленных в ее первой главе. Однако такой системный анализ представляет собой отдельную исследовательскую задачу, и потому не все основы конституционного строя я соотносил с нормами из других глав Конституции.

В работе вы встретитесь с текстом, имеющим иной формат в сравнении с «основным». Этот прием я позаимствовал у выдающегося французского конституционалиста **Леона Дюги** (1859–1928), применившего его в фундаментальном труде «Конституционное право. Общая теория государства». Таким образом я отделяю большие цитаты, примеры из практики, а также некоторые авторские суждения, которые играют роль дополнительных.

Курсив и другие шрифтовые выделения во всех цитатах по умолчанию мои. Но если курсив был в самой цитате, я на это указываю.

Не могу не выразить глубокую благодарность моим друзьям-коллегам: **И.А. Алебастровой, В.Б. Евдокимову, А.Б. Зубову, В.А. Кряжкову и Е.А. Мишиной**. Своими ценными замечаниями они помогли улучшить текст этой книги.

Принятые сокращения

Ведомости СНД и ВС РФ — Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации.

Ведомости СНД и ВС СССР — Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР.

ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет (см. также *ЦИК*).

ГКЧП — Государственный комитет по чрезвычайному положению. Орган, созданный в процессе попытки государственного переворота 19 августа 1991 г., по приказу которого Президент СССР М.С. Горбачев был изолирован в Крыму и фактически отстранен от власти. ГКЧП просуществовал до 21 августа 1991 г.

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР. Этот репрессивный орган в разные периоды советской истории имел разные наименования (ВЧК, НКВД, МГБ, КГБ). Этот орган был даже упомянут в Конституции СССР 1924 г., в ст. 61 которой закреплялось: «В целях объединения *революционных усилий союзных республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом* учреждается при Совете Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик Объединенное Государственное политическое управление (ОГПУ), председатель которого входит в Совет Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик с правом совещательного голоса».

Политбюро ЦК КПСС (РКП(б), ВКП(б)) — Политическое бюро Центрального комитета коммунистической партии. Орган, реально управлявший партией и страной вплоть до путча в августе 1991 г. (некоторое время назывался Президиум ЦК). Название самой партии неоднократно менялось: сначала РСДРП (Российская социал-демократическая рабочая партия), затем, после раскола на большевиков и меньшевиков, РСДРП(б), с 1918 г. — РКП(б) (Российская коммунистическая партия (большевиков)), после создания СССР — ВКП(б) (Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)) и, наконец, с 1952 г. — КПСС (Коммунистическая партия Советского Союза).

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

РФ — Российская Федерация.

Принятые сокращения

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

СЗ РФ — Собрание законодательства Российской Федерации.

САПП РФ — Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации.

СНК (РСФСР, СССР) — Совет народных комиссаров (Совнарком). Так с 1917 по 1946 г. именовался Совет Министров (в союзных республиках также были СНК). По Конституции СССР 1924 г. СНК считался «исполнительным и распорядительным органом Центрального Исполнительного Комитета» и образовывался последним, но только формально, так как в реальности состав Совнаркома формировался Политбюро Центрального комитета компартии.

СУ РСФСР — Собрание узаконений РСФСР. Официальное периодическое издание, в котором публиковались акты органов государственной власти в первые годы советской власти.

ЦИК (до декабря 1936 г.) — Центральный исполнительный комитет Съезда Советов СССР (такие же органы существовали и в союзных республиках). Формально, по Конституции СССР 1924 г., «верховным органом власти» страны был Съезд Советов, но в период между съездами, т.е. сессиями, высшим органом являлся ЦИК, образуемый Съездом. Любопытно, что у ЦИК был еще и его Президиум, обладавший большими полномочиями. Сегодня акронимом «ЦИК» обозначают Центральную избирательную комиссию РФ. Чтобы не было путаницы, по отношению к ней я применяю аббревиатуру «Центризбирком».

1

СОВЕТСКИЙ
ТИП
ВЛАСТИ

Поклонники советской власти говорят: «В СССР были построены заводы, шахты, прииски, ГЭС и ТЭЦ и вообще вся тяжелая промышленность, которой сейчас владеют воры-олигархи». *А кто ими тогда владел?* Кто был выгодополучателем всей этой — по большей части военной — промышленности? Народ, что ли? Нет, друзья мои. Народ загибался на вредных производствах, получал скудный прожиточный минимум и стоял в очередях — на квартиру и за свеклой. И все для того, чтобы советская партийно-хозяйственная верхушка ездила на персональных машинах, жила в огромных квартирах и дачах, получала огромные зарплаты и неденежные льготы, отдыхала бы на «цековских» и «совминовских» курортах, лечилась бы в больницах «четвертого управления Минздрава СССР» и т.д. и т.п.

Денис Драгунский

Без печали и вздыхания

Спор в венском кафе «Ландман» в 1918 г. разгорелся во время встречи немецкого социолога Макса Вебера с австрийским экономистом Йозефом Шумпетером и известным венским банкиром Феликсом Зомари; последнему, кстати, мы и обязаны ценнейшим свидетельством об этом споре. Речь зашла о русской революции. Й. Шумпетер радостно заявил, что социализм наконец перестал быть «бумажной дискуссией» и теперь будет вынужден доказывать свою жизнеспособность. М. Вебер возразил, что попытка ввести социализм в России, учитывая уровень ее экономического развития, есть, по сути дела, преступление и закончится катастрофой. По воспоминаниям Ф. Зомари, Й. Шумпетер холодно заметил, что это вполне может случиться, но что Россия представляет собой «прекрасную лабораторию». В ответ М. Вебер взорвался: «Лабораторию с горой трупов». Й. Шумпетер сказал: «Как и любой анатомический театр».

Ян-Вернер Мюллер

Оспаривая демократию: политические идеи
в Европе XX века

Люди давно думают над тем, чем и в какой степени детерминировано настоящее. Частный случай такой предполагаемой детерминации — события прошлого. В XX в. в институциональной экономике даже появилась концепция (теория) *path dependence* — «зависимость от предшествующей траектории». В чем же смысл этой концепции, если давно известно, что «кроме настоящего, как в жизни отдельного лица, так и в жизни народа огромное влияние имеет их прошлое»¹? Смысл в том, что в те моменты истории, когда выбирается какая-либо одна возможность из веера различных альтернатив (в точке бифуркации), «выбор <...> практически всегда происходит в условиях неопределенности и неустойчивости баланса социальных сил. Поэтому при бифуркации судьбоносными могут оказаться даже совсем мелкие субъективные обстоятельства — по принципу “бабочки Брэдли”»². Проще говоря, когда для данного общества (или даже человечества) открывается «окно возможностей», совершенно неизвестно, *какое «мелкое обстоятельство»* повлияет на выбор. Вспомним стишок **С.Я. Маршака** (1887–1964):

Враг вступает в город,
Пленных не щадя,
Оттого, что в кузнице
Не было гвоздя.

Наследие советской государственности вряд ли можно отнести к проявлению эффекта *path dependence*. Однако последствия здесь такие же: институты, существовавшие несколько десятилетий, сформировали определенное общественное сознание, и все это оказывает существенное влияние на наше развитие. Об основных этих институтах (чертах) я и хочу вкратце рассказать.

¹ Булгаков С.Н. Избранное / сост., автор вступ. ст. О.К. Иванцова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 73.

² Нуреев Р.М. Россия после кризиса — эффект колеи // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). 2010. Т. 2. № 2. С. 8.

Родовые черты советского типа государства

После государственного переворота 25 октября (7 ноября) 1917 г. (хотя подлинным переворотом следовало бы считать не свержение Временного правительства, а разгон в январе 1918 г. избранного народом Учредительного собрания) началась большевистская *революция*, или, как бы сегодня сказали, реализация «национального проекта» под названием «отмирание государства».

Уже первые годы осуществления этого «проекта» подтвердили его утопичность. В немалой мере это было обусловлено тем, что в картине мира основоположников марксизма-ленинизма не нашлось места для учета *психологии обычного человека*. Впрочем, таков общий порок любых утопий, начиная еще с идеального государства Платона. Кстати, разбирая взгляды этого философа, известный политический мыслитель XX в. **Карл Поппер** (1902–1994) выдвинул концепцию двух методологических подходов социальной инженерии — «*утопического*» и «*постепенного*». К. Поппер так резюмировал различие между ними:

«Различие здесь не только в словах. В действительности оно очень велико. Это — различие *между стремлением* облегчить человеческий жребий *и практикой*, которая, будучи применена, невыносимо усилит человеческие страдания. Это — различие *между методом, который можно применять в любой момент, и методом, отставание которого может послужить удобным поводом для того, чтобы откладывать действие на более поздний срок*, когда условия будут более благоприятными. Кроме того, это — различие *между единственным до настоящего времени способом улучшения положения дел, приводящим к успеху в любое время и в любом месте, и методом, ко-*

торый всегда приводил только к подавлению разума насилеиом и к отказу либо от самого метода, либо от его первоначального замысла»³.

В «утопической инженерии»* **В.И. Ленина** (1870–1924) можно выделить три опорных элемента: 1) «*Россия — единая фабрика*», 2) «*Советы — работающие корпорации*» и 3) «*Партия — авангард трудящихся*».

⇒ * Давно, еще в 1995 г., я опубликовал статью (см. Приложение к настоящему учебному пособию), где в концентрированном виде излагаются основные представления Ленина о будущем обществе и государстве. Хотя статья написана в несколько художественной форме, она содержит почти дословные цитаты из разных ленинских работ, в основном из книги «Государство и революция», законченной им в сентябре 1917 г.

«Россия — единая фабрика»

Марксизм считает, что ликвидировать социальное неравенство можно, только *покончив с частной собственностью и конкуренцией*. Эта идея в самом четком ее виде была обрисована **Фридрихом Энгельсом** (1820–1895) в работе «Принципы коммунизма» (она представляет собой самоинтервью):

«14-й вопрос: Каков должен быть этот новый общественный строй? Ответ: Прежде всего, управление промышленностью и всеми отраслями производства вообще будет изъято из рук отдельных, конкурирующих друг с другом индивидуумов. Вместо этого все отрасли производства будут находиться в ведении всего общества, т.е. будут вестись в общественных интересах, по общественному плану и при участии всех членов общества. Таким образом, этот новый общественный строй уничтожит конкуренцию и поставит на ее место ассоциацию. Так как ведение промышленности отдельными лицами имеет своим необходимым следствием частную собственность и так как конкуренция есть не что иное, как такой способ ведения промышленности, когда она управляется отдельными частными собственниками, то частная собственность неотделима от индивидуального ведения промышленности и от конкуренции. Следовательно, частная собственность должна быть также ликвидирована, а ее место займет общее пользование всеми

³ *Попнер К.Р.* Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1: Чары Платона / пер. с англ.; под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 200–201.

1. Советский тип власти

орудиями производства и распределение продуктов по общему соглашению, или так называемая общность имущества. Уничтожение частной собственности даже является самым кратким и наиболее обобщающим выражением того преобразования всего общественного строя, которое стало необходимым вследствие развития промышленности. Поэтому коммунисты вполне правильно выдвигают главным своим требованием уничтожение частной собственности»⁴.

Итак, вместо рыночной конкуренции — «ассоциация», вместо частной собственности — обобществленная («общенародная») собственность*.

⇒ * Впрочем, слово «собственность» тут теряет свой смысл, поскольку материальные объекты не принадлежат «никому», ибо принадлежат «всем». И это не вопрос терминологии. В период приватизации этой «общенародной собственности» в России в начале 1990-х годов ее непонятная природа во многом обусловила появление крупных собственников с сомнительным правом собственности.

Ленин развил эту идею в своей работе «Государство и революция», которая стала едва ли не главным доктринальным источником для конструирования государства советского типа. Воспринимая экономику главным образом как совокупность *крупных* производств, он полагал, что основа для этого уже есть в виде проведенной капитализмом концентрации производства. Поэтому «вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы, свергнув капиталистов и чиновников, заменить их — в деле контроля за производством и распределением, в деле учета труда и продуктов — вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом»⁵. Ключевые понятия здесь «учет и контроль», осуществляемый «всеми трудящимися». Ленин смотрел на это как на вполне доступное любому человеку дело. Он писал:

«Учет и контроль — вот *главное* (курсив в источнике. — М. К.), что требуется для “налажения”, для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества. *Все* граждане превращаются здесь в служащих по

⁴ *Энгельс Ф.* Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 329–330.

⁵ *Ленин В.И.* Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 100–101.

найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного “синдиката”. Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим *упрощен* капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок»⁶. Впрочем, Ленин отделял «вопрос о контроле и учете» от вопроса «о научно образованном персонале инженеров, агрономов и пр.» и был убежден, что «эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим»⁷.

Так у Ленина появляется образ «фабрики»:

«Когда *большинство* народа начнет производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентами, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, “некуда будет деться”. *Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы*»⁸.

Здесь, думается, особенно ярко высвечивается суть советской философии, которая видит мир только как совокупность неких мегаблоков и совершенно пренебрегает разнообразием людей и вообще природой человека. Основная категория для марксизма — «масса», а не «индивид». В этом смысле советскую модель общества в целом можно назвать холистской.

Вообще термин «*холизм*» означает учение *о целостности, о целом*. Это учение рассматривает мир как высшую и всеохватывающую целостность⁹. Однако термином «холизм» и его производными стали обозначать миро-

⁶ Там же. С. 101.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ См., например: Философский энциклопедический словарь. С. 756; Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1984. С. 1449; Краткая философская энциклопедия. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Энциклопедия», 1994. С. 503.

1. Советский тип власти

воззрение, в котором часть (единица) имеет меньшую ценность, чем коллективное, которое, в свою очередь, направляется некоей силой, неким замыслом. По крайней мере, так понимал холизм Карл Поппер, приводя в качестве примера холистского мировоззрения взгляды Платона, чей «холизм тесно связан с племенным коллективизмом»¹⁰.

Россия, действительно, стала «единой фабрикой». Однако лишь в одном смысле: была создана полностью государственная плановая (бесконкурентная) и централизованная экономика, но ни о каком «всенародном учете и контроле» речь не шла. К тому же советская экономика никогда не работала «так, как работают часы», на что рассчитывал вождь¹¹. Ни пропаганда, ни страх наказания, ни даже предпринятые впоследствии попытки материально стимулировать работников *не привели к наивысшей производительности труда*, благодаря которой, по мысли Ленина, социализм/коммунизм и должен был показать историческое преимущество перед капитализмом. Случилось ровно наоборот. При этом постоянными признаками социалистической экономики, среди прочего, стали дефицит продовольственных и промышленных товаров и их низкое качество.

В качестве микроскопической иллюстрации приведу отрывок из вполне рядового письма в журнал «Огонек» (1961 г.). Кстати, стоит предварительно заметить, что, поскольку в советское время практически не существовало форм правовой защиты, письма в редакции газет и журналов, как и обращения в партийные органы, были наиболее распространенной формой самозащиты людей и основным каналом для жалоб. В этом письме говорилось: «Два года мы *собирали деньги* на телевизор, долго *стояли в очереди*, наконец купили. Но он проработал *не больше часа* и все время выходит из строя. Он назван почему-то “Рекордом”. Уж не рекорд ли это брака? Если заводу сходит с рук такое плохое качество, куда смотрят коммунисты завода?»¹². Обратите внимание: о несопоставимом уровне зарплаты и цены на телевизор, а также о трудности самой покупки читатель говорит как о само собой разумеющемся и не заслуживающем даже удивления.

¹⁰ Поппер К.Р. Указ. соч. Т. 1. С. 116.

¹¹ См.: Ленин В.И. Вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 36. М.: Политиздат, 1969. С. 156.

¹² Тихомиров В. Азбука быта. М.: Терра, 2008. С. 26. (Библиотека «Огонек».)

Почему же ленинский социализм не только не показал своего преимущества, но и, наоборот, обусловил низкую производительность труда? Назову основные причины.

Идея мировой пролетарской революции (не случайно на гербе СССР был изображен земной шар с серпом и молотом), сменившаяся затем идеей «распространения социализма», требовала *неимоверной милитаризации страны* (все основные научно-технические достижения, которые часто пытаются преподнести как показатель преимуществ социализма, оплачены не только кровавым террором, но и нищетой основной массы населения СССР. Нищетой, из которой страна начала выходить, пожалуй, только с середины 1960-х годов, хотя и тогда материальный уровень населения заметно не дотягивал до средне-европейского).

Еще одной крупной причиной краха надежды на высшую производительность труда в полностью огосударственной экономике стал *существенный разрыв между трудом и распределением его результатов* (будь то распределение в натуральной форме, долгое время существовавшей в советском сельском хозяйстве, или в форме заработной платы). Этот фактор был тем более значим, что «в первой фазе коммунизма» предполагался принцип «от каждого — по способностям, каждому — по труду». Но как измерить это самое «по труду»? Посредством тотального контроля! Не случайно Ленин говорил об учете и контроле как об одной из главных черт нового строя. Один из его лозунгов так и гласил: «Социализм — это учет»¹³. Правда, Ленин полагал, что объектами такого контроля станут те, кто сопротивляется построению коммунизма:

«До тех пор, пока наступит “высшая” фаза коммунизма, социалисты требуют *строжайшего* контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен начаться с экспроприации капиталистов, с *контроля рабочих за капиталистами* и проводиться не государством чиновников, а государством *вооруженных рабочих*»¹⁴.

¹³ Ленин В.И. Речь на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с фронтовыми представителями 4 (17) ноября 1917 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 63.

¹⁴ Ленин В.И. Государство и революция. С. 97.

1. Советский тип власти

Однако, поскольку идея «государства вооруженных рабочих» сама была утопичной и потому осталась нереализованной, учетом, контролем и распределением занялся платный аппарат. И хотя советская пропаганда с первых и до последних лет старалась уверить людей, что всё в государстве — и власть, и собственность — принадлежит «человеку труда», реальность не только демонстрировала абсурдность замысла, но и приводила к обратному результату. На официальную пропаганду народ отвечал не просто частушками, анекдотами и неформальными лозунгами типа: «*Ты тут хозяин, а не гость, тащи отсюда каждый гвоздь!*». Люди и в действительности пытались «тащить всё, что плохо лежит». В свою очередь «государство рабочих и крестьян» реагировало на это так, как отреагировал бы не всякий «жестокий эксплуататор».

Достаточно напомнить, что во время массового голода в стране, вызванного не столько неурожаем, сколько первыми итогами коллективизации крестьянства, было издано Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г., которое, в частности, предусматривало: «Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества». Этот акт в народе назвали «*законом о колосках*». Дело в том, что к «хищению колхозного имущества» приравнивались даже попытки людей собирать колосья злаков, чтобы спастись от голодной смерти. Вот, к примеру, слова из сводки ОГПУ от 22 июля 1932 г. (подобные сводки и побуждали власть принять названное постановление): «Краснодарский район: в колхозе “Пролетарская диктатура” станицы Н. Машыновской группа объездчиков ночью обнаружила в поле 5 женщин, срезавших колосья пшеницы. При попытке к задержанию женщины побежали в разные стороны. Охрана дважды выстрелила из дробовиков. Одна из бежавших колхозниц тяжело ранена (умерла через несколько часов), вторая одиноличница получила легкое ранение. Белореченский район: на полях в колхозе станицы Октябрьской задержана толпа колхозников и одиноличников... с мешками нарезанных колосьев, в количестве 40 человек...»¹⁵.

Когда режим, после смерти Сталина, несколько смягчился, воровство с рабочих мест стало тотальным. Появился даже советский нео-

¹⁵ Шостко И. Серп и молот — смерть и голод [Электронный ресурс] // Сайт ИД «Крестьянин». URL: <http://www.krestianin.ru/articles/6489.php> (дата обращения: 16.09.2012).

логизм — «несун» (удивительно, но словарь моего компьютера его не знает); с «несунами» власть тоже пыталась бороться, правда, уже не так кровавадно, как в 1930–1940-е годы.

Собственно, в том и состоит главная причина, обусловившая не только крах мечты о наивысшей производительности труда, но и вообще банкротство коммунистической идеи. Корень тоталитарного характера советской системы — *в ненависти к частной собственности*. Марксизм вообще и большевизм в особенности отрицают понятие «мое». Ленин не раз говорил о том, что крестьянство постоянно воспроизводит буржуазные отношения (относительно «своим» для него было лишь «беднейшее крестьянство», т.е. те, у кого «ни кола, ни двора»).

Ненависть к «моему» доходила до того, что было отменено даже право наследования. Декрет ВЦИК от 27 апреля 1918 г. начинался со слов: «Наследование как по закону, так и по духовному завещанию отменяется. После смерти владельца имущество, ему принадлежавшее (как движимое, так и недвижимое), становится государственным достоянием Российской Социалистической Советской Федеративной Республики»¹⁶. Лишь с началом новой экономической политики — НЭПа (1921 г.) этот декрет был отменен, и больше большевики не покушались на институт наследования, хотя и ограничивали его.

Инстинкт собственности в земном мире неистребим, и думать иначе — значит строить дом на песке. В Новом Завете, *в книге Деяний святых апостолов, содержится поучительнейший сюжет*, на мой взгляд без лишних слов объясняющий невозможность массовой «переделки», «перевоспитания» и т.п. ни с помощью пропаганды, ни с помощью насилия. Всегда найдутся те, кто останется «при своем интересе», независимо от того, чем им это грозит.

После Вознесения Христова и первых проповедей апостолов в Израиле начали образовываться христианские общины. Причем первые христиане считали, что второе пришествие Христа и Страшный суд вот-вот наступят. Они отказывались от земных благ, дабы подготовиться к этому событию: *«Умножества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее. <...> Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или до-*

¹⁶ Цит. по: Сайт «Libussr.ru». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_281.htm (дата обращения: 07.10.2017).

1. Советский тип власти

мами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду» (Деян. 4:32; 34–35). Именно поэтому, кстати, первые христиане порой называются «первыми коммунистами», что совершенно не так, ибо идея коммунизма апеллирует главным образом к материальным ценностям. Но тут важно другое. Даже среди членов этих братских общин находились люди, не желавшие расстаться с привычными земными пристрастиями: *«Некоторый же муж, именем Анания, с женою своею Сапфирию, продав имение, утаил из цены, с ведома и жены своей, а некоторую часть принес и положил к ногам Апостолов. Но Петр сказал: Анания! Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли? Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось? Для чего ты положил это в сердце твоём? Ты солгал не человекам, а Богу. Услышав сии слова, Анания пал бездыханен; и великий страх объял всех, слышавших это»* (Деян. 5:1–5).

Смотрите: муж и жена уверовали в пришествие Христа и в близкий конец света. Они искренне боятся Божьего суда, иначе зачем бы *добровольно* (!) продали имущество и пришли в общину? И все-таки, даже несмотря на эти сильнейшие побудительные мотивы, укрывают часть денег. Зачем? На всякий случай?.. Непостижимая тайна человеческой природы! Св. **Феофан Затворник** (Георгий Васильевич Говоров, 1815–1894) говорит о том, что даже «усопшие не вдруг свыкаются с новою жизнью. Даже у святых некое время держится земляность (привязанность к земному). Пока она выветрится, требуется время — большее или меньшее, судя по степени привязанности к земному <...>». Значит, если дьявол мог искушить искренне уверовавших Ананию и Сапфиру, то не в тысячу ли раз легче ему соблазнить материалистов?

Фома Аквинский (1225–1274) приводил такие доводы в пользу права частной собственности.

Во-первых, оно необходимо, потому что «каждый человек более бережно заботится о том, что принадлежит ему одному, а не всем вместе, а также потому что он будет лениться и оставлять другим делать то, что касается общих дел сообщества, как это происходит в тех случаях, когда много слуг. Во-вторых, потому что дела людей организуются более правильно, если каждый человек проявляет заботу о своих делах; если такой заботы нет, возникают недоразумения, вызванные тем, что каждый должен следить за какими-то предметами, не имея к ним интереса. В-третьих, поскольку безопасность государства обеспечивается в большей степени тогда, когда человек доволен тем, что он имеет... Споры возникают чаще там, где предметы собственности не разделены»¹⁷.

¹⁷ Цит. по: *Лафитский В.И.* Великие конституции (Истоки, факторы развития и роль в современном мире). М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2017. С. 158–159.

Большевики так и не смогли полностью истребить понятие «мое», ибо ложной оказалась сама базовая посылка — предположение, будто обычный человек, сочтя высшей справедливостью обобществление собственности, ощутит себя совладельцем «общенародной собственности», вдохновится этим и станет трудиться так, как если бы работал на себя. Поэтому в качестве компромисса было узаконено понятие «личная собственность». Например, в ст. 10 Конституции СССР 1936 г. провозглашалось: «Право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан — охраняются законом».

Можно, конечно, отобрать у людей собственность. Нельзя только отучить от *желания* ее иметь. И дело тут вовсе не в стремлении к богатству, а в том, что возможность распоряжаться пусть даже малым дает человеку столь необходимое ему ощущение свободы, личной автономии. Под влиянием некоторых сильных мотивов человек способен отказаться от земных благ. Но только *по своей* воле.

«Советы — работающая корпорация»

Этот термин ввел в оборот **Карл Маркс** (1818—1883) в работе «Гражданская война во Франции», посвященной периоду Парижской коммуны* (1871 г.).

⇒ * Слово «коммуна», более или менее соответствующее русскому слову «община», вошло в политический обиход во Франции еще в 1791 г., а Парижской коммуной с 1792 г. назывался парижский муниципалитет. Однако сегодня этим термином обычно обозначают период рабочего революционного самоуправления, продержавшегося чуть более двух месяцев во время Франко-прусской войны в 1871 г.

«Коммуна, — писал Маркс, — должна была быть не парламентарной, а *работающей корпорацией*, в одно и то же время и *законодательствующей и исполняющей законы*»¹⁸. Развивая этот тезис, В.И. Ленин

¹⁸ Маркс К. Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального совета международного товарищества рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. М.: Госполитиздат, 1960. С. 342.

1. Советский тип власти

писал: «Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вырождается в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями. Представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, *как разделения труда законодательного и исполнительного*, как привилегированного положения для депутатов, здесь нет»¹⁹.

Но и с этим, «вторым китом» ленинской концепции также случился конфуз. Да, Советы из органов революционной борьбы превратились в органы власти. Да, формально именно они выражали «полноту власти народа», не случайно это слово даже дало название новому государству — Советское. Но очень быстро оказалось, что новый тип управления служит не «отмиранию государства», на смену которому согласно марксистско-ленинской доктрине должно прийти «полное общественное *самоуправление*», а, наоборот, отмиранию всяких гражданских навыков самоорганизации и самодеятельности.

Но почему марксизм считал, что государство — это зло и потому от него следует отказаться? Из-за совершенно извращенного его понимания — только как машины для подавления одного класса другим (подобное понимание государства как организованного насилия свойственно не только марксистам, но и анархистам). В.И. Ленин считал центральным местом в вопросе о государстве тезис Ф. Энгельса из его письма к известному немецкому социал-демократу А. Бебелю:

«Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а *в интересах подавления своих противников*, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать. Мы предложили бы поэтому поставить везде вместо слова государство слово: “община” (Gemeinwesen), прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому слову “коммуна”»²⁰.

¹⁹ Ленин В.И. Государство и революция. С. 47–48.

²⁰ Энгельс Ф. Письмо А. Бебелю // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 5.

И когда антагонистических классов больше не будет, считает марксизм, не будет нужна и «машина подавления» вместе с «ее правом», которое в марксизме понимается как «воля господствующего класса, возведенная в закон».

А кто, спросите вы, будет тогда осуществлять хотя бы элементарные публичные функции, которые обычно выполняет государство? Вопрос закономерный, но и на него у Ленина был ответ. *Осуществлять «государственные функции» будет сам народ.* Это еще одна излюбленная мысль Ленина: «поголовное участие всех в управлении» (под «всеми», разумеется, понимались пролетариат и беднейшее крестьянство, а также сочувствующие идеям революции «представители интеллигенции»). Именно на убежденности в возможности «поголовного участия» Ленин и строил всю конструкцию социалистического управления как переходного этапа к коммунистическому самоуправлению.

Но понятно, что даже «поголовное участие в управлении» нужно было ввести в какие-то организационные формы. И основную форму Ленин увидел в революционных органах, стихийно созданных в период первой русской революции 1905–1907 гг. в некоторых промышленных центрах Центральной России и Урала, — *Советах* рабочих депутатов. Их-то он и решил противопоставить «буржуазному парламентаризму», т.е. принципу разделения властей.

Неужели Ленин не понимал, что этот принцип является одной из гарантий от деспотии? Возможно, понимал. Но, воспринимая всемирную историю лишь как историю классово-борьбы, он считал, что разделение властей сыграло свою роль в борьбе с абсолютизмом, а вот в социалистическом (переходном к коммунизму) государстве этот принцип «камуфлирует господство буржуазии»:

«Раз в несколько лет решать, какой член господствующего класса будет подавлять, раздавливать народ в парламенте, — вот в чем настоящая суть буржуазного парламентаризма, не только в парламентарно-конституционных монархиях, но и в самых демократических республиках (намек на США. — М. К.). <...> Выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говорилен, в “работающие” учреждения»²¹.

²¹ Ленин В.И. Государство и революция. С. 46.

1. Советский тип власти

Следовательно, рассуждал Ленин, зачем нужны всякие «буржуазные штучки» вроде разделения властей, коль скоро вся власть окажется в руках трудового народа, а народ не может быть тираном сам для себя.

Ленин разработал довольно детальный план, согласно которому Советы не просто соединяли бы в себе разные функции, но и строились на совершенно иных принципах, нежели органы законодательной и исполнительной ветвей власти в демократиях. Эти принципы нашли отражение уже в первой «пролетарской конституции» — Конституции РСФСР 1918 г. (напомню, что СССР образовался в 1922 г., а первая союзная Конституция была принята в 1924 г.). Вот они:

1. *Постоянная ротация депутатов.* Другими словами, отсутствие сроков полномочий Советов и совсем короткие сроки полномочий депутатов (например, в местных Советах — 3 месяца).

2. *Императивный мандат депутата.* Наказы, т.е. поручения избирателей, даваемые депутатам, и свобода отзыва избирателями своих депутатов (Ленин подчеркивал, что отзыв должен быть «неприменно легким»).

3. *Непрямое избирательное право.* Съезды Советов, начиная с губернских и кончая высшим органом — Всероссийским съездом Советов, формировались не непосредственно населением, а нижестоящими органами. Например, Всероссийский съезд Советов составлялся из представителей городских Советов и представителей губернских съездов Советов.

4. *Неравное избирательное право.* Промышленные рабочие в те годы составляли меньшинство населения (Россия была еще крестьянской страной). Поэтому, дабы обеспечить численное превосходство пролетариата («наиболее сознательной», по мысли большевиков, части трудящихся) в Советах, устанавливались разные нормы представительства от городского и сельского населения при формировании съездов Советов. В состав того же Всероссийского съезда Советов представители городских Советов входили из расчета 1 депутат на 25 тыс. избирателей, а представители губернских съездов Советов — из расчета 1 депутат на 125 тыс. жителей.

5. *Невсеобщее избирательное право* («ценз пролетарской диктатуры»). Поскольку на повестке дня стояла задача постепенной ликвидации буржуазии как класса, избирательных прав официально лишались не только «лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или

умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой», а также «лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором», что соответствует обычным ограничениям, но и:

- «а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;
- б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.;
- в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;
- г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов;
- д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома» (ст. 65).

6. *Сочетание территориального принципа образования избирательных участков с производственным.* Речь шла о том, что депутаты в городах избирались непосредственно трудовыми коллективами, т.е. по предприятиям, а не избирателями по месту жительства.

7. *Иерархическая система Советов.* Советы изначально образовали «вертикаль», основанную на принципе «демократического централизма», который в том или ином виде закреплялся всеми советскими конституциями. В Конституции РСФСР 1918 г. устанавливалось, что все Советы «имеют предметом своей деятельности: *проведение в жизнь* всех постановлений соответствующих высших органов Советской власти» (ст. 61) и что вышестоящие Советы и даже их исполнительные комитеты имеют «право отмены решений действующих в их районе Советов, с извещением об этом в важнейших случаях Центральной Советской власти» (ст. 62).

8. *Иерархия внутри Советов.* Несмотря на принцип «работающей корпорации», внутри Советов сразу же были выделены *постоянно действующие органы*. Например, ст. 31 Конституции 1918 г. гласила: «Все-российский Центральный Исполнительный Комитет Советов является *высшим законодательным, распорядительным и контролирующим* органом Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Кроме того, существовали и исполнительные органы Советов — от исполнительных комитетов до Совета народных комиссаров на общегосударственном уровне.

Не буду сейчас говорить о том, что реальная власть в государстве моментально перетекла к партийным органам (об этом чуть ниже).

1. Советский тип власти

Главное, что доктрина «полугосударства» («отмирающего государства») оказалась губительной для перспектив гражданской самоорганизации людей и вообще для права в России. Отказ от системы разделения властей означал пренебрежение правовыми ограничителями властных институтов: раз власть «народная», кто вправе ограничить «его величество народ»? Но сама по себе это ложная и опасная идея, ибо право (а оно не тождественно совокупности законов и подзаконных актов) должно стоять и *над* сувереном — народом. Большевики тем самым не только ни на йоту не приблизились к лелеемой ими идее «отмирания государства», но, наоборот, создали условия для отстранения людей от всякого гражданского участия в управлении.

Как же так? Ведь Ленин рассматривал свою систему именно как противоположность системе бюрократической. Он видел гарантии от бюрократизации в выборности и сменяемости Советов, в умеренной зарплате чиновников (не выше зарплаты квалифицированного рабочего) и, наконец, в массовом участии трудящихся в управлении. Но в том и дело, что ни одна из этих «гарантий» не стала преградой для набиравшей силы номенклатуры. Да и не могла стать. Все по той же причине: эти благие пожелания совершенно не учитывали психологию обычного человека.

Впрочем, не только в этом дело. Ленин не отказался от платного государственного аппарата вообще, а только «поместил» его в своей доктрине в совершенно иные условия: аппарат должен существовать в структуре довольно аморфных представительных органов, работающих скорее как общественные организации. Такие условия просто не могли не привести к тому, что этот самый аппарат — исполнительные комитеты Советов (*исполкомы*) со всеми их управлениями, отделами и подотделами — мгновенно понял, «кто в доме хозяин». Примечательно, что уже в 1922 г. известный государствовед-марксист **М.А. Рейснер** (1868–1928) сетовал, что «Совдепия превращается в “Исполкомию”», и ставил риторический вопрос, «не находятся ли исполкомы перед слишком большим соблазном известного освобождения от докучливого надзора и контроля Советов и подавления последних в пользу расширения своей власти?»²².

²² Рейснер М.А. Централизация, разделение функций и Советы // Власть Советов. 1922. № 10. С. 15.

После принятия Конституции СССР 1936 г. организационная модель советской власти отошла от некоторых деталей ленинской доктрины. Были ликвидированы съезды Советов, а выборы во все их звенья, вплоть до Верховного Совета, стали прямыми; установлены сроки их полномочий; введено равное и всеобщее избирательное право (хотя по-прежнему по судебному решению некоторые граждане — так называемые *лишенцы* — могли быть лишены избирательных прав); ликвидирован производственный принцип при проведении выборов. Та же модель была перенесена и в Конституцию СССР 1977 г. (Только Советы депутатов трудящихся стали именоваться Советами народных депутатов. Практического смысла это не несло, но должно было выразить некое «развитие социализма»: в отличие от ст. 3 Конституции 1936 г., гласившей, что «вся власть в СССР принадлежит *трудящимся* города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся», ст. 2 Конституции 1977 г. закрепляла, что «вся власть в СССР принадлежит *народу*. Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу СССР».) Однако это никоим образом не влияло и не могло повлиять на суть советской системы.

Во-первых, коммунистический режим к середине 1930-х годов перестал опасаться не только «буржуазного», но и «мелкобуржуазного влияния» в Советах (после тотальной коллективизации собственно крестьян в сталинском СССР почти не осталось). Недаром официальная идеология провозгласила, что социализм в стране «*в основном*» построен. Во-вторых, всем, в том числе депутатам, давно стало ясно, что «собственно Советы» (т.е. без исполкомов) абсолютно ничего не решают. Об этом бессилии можно судить хотя бы по крайне редкому созыву сессий Советов. Например, устанавливалось, что сессии «высшего органа государственной власти» — Верховного Совета СССР созываются два раза в год, при этом длились они два, редко три дня (!). Чуть чаще созывались сессии местных Советов (в зависимости от уровня от четырех до шести раз в год), но длились, как правило, один день. Наконец, в-третьих, к этому времени сами исполкомы и их отраслевые и функциональные органы окончательно перешли под полный контроль соответствующих партийных комитетов.

«Партия — авангард трудящихся»

Это, едва ли не самое лукавое, условие новой государственности выполнить было легче всего, опять же по причине той самой человеческой психологии. Но зачем оно понадобилось Ленину в его концепции? Все логично (в марксистской, разумеется, логике).

Хотя центральной идеей в концепции советского государства было «поголовное участие трудящихся в управлении», Ленин понимал, что этого трудно добиться в «темном мужицком царстве»²³, как называл тогдашнюю Россию **Н.А. Бердяев** (1874—1948). И уж тем более, что в скором времени вряд ли появится «человек с коммунистическим сознанием».

Ленин считал, что критики коммунистической теории плохо ее знают, поскольку о том, что «высшая фаза развития коммунизма наступит (вскоре после революции. — М. К.), ни одному социалисту в голову не приходило, а предвидение великих социалистов, что она наступит, предполагает и не теперешнюю производительность труда и не теперешнего обывателя, способного “зря” — вроде как бурсаки у Помяловского* — портить склады общественного богатства и требовать невозможного»²⁴.

⇒ * Русский писатель **Н.Г. Помяловский** (1835—1863) наиболее известен как автор повести «Очерки бирсы», хотя у него есть и другие неплохие произведения, например «Мещанское счастье», «Молотов». Бирса — училище, содержащееся на казенный счет, дававшее, по сути, начальное образование и готовившее для церкви пономарей, дьячков, писцов. В основном туда отдавали своих детей крестьяне и мещане, в том числе чтобы спасти от солдатчины.

Так вот, понимая это, Ленин считал, что для решения таких задач требуется некий, как он говорил, «авангард трудящихся» — коммунистическая партия, которая должна включать наиболее «сознательных» рабочих, крестьян и служащих. И посмотрите, какая стройная конструкция ему рисовалась:

«Организационной задачей и будет задача выделения из народных масс руководителей и организаторов. Эта громадная, гигантская работа стоит теперь на очереди дня. Ее нельзя было бы и думать выполнить, если бы не было Советской власти, отцеживающего аппарата, который может вы-

²³ Бердяев Н.А. *Философия неравенства*. М.: ИМА-ПРЕСС, 1990. С. 24.

²⁴ Ленин В.И. *Государство и революция*. С. 97.

двигать людей»²⁵. «Советская власть есть новый тип государства без бюрократии, без полиции, без постоянной армии, с заменой буржуазного демократизма новой демократией, — *демократией, которая выдвигает авангард трудящихся масс*, делая из них и законодателя, и исполнителя, и военную охрану, и создает *аппарат, который может перевоспитать массы*»²⁶.

Однако Ленин не увидел в руководящей роли партии «клетку раковой опухоли» (или не захотел увидеть, ибо тогда разрушилась бы вся доктрина). Идея «авангарда» фактически обосновала существование некоей «жреческой касты», которая обладает монопольным правом на истину и которой, следовательно, никто и ничто не смеет противостоять. Впрочем, неверно сравнивать коммунистическую партию в советской модели с кастой. В отличие от последней, «партия»* фактически *срослась с государством*, точнее, не она сама, а ее органы, начиная от райкомов и кончая Политбюро ЦК (РКП(б), ВКП(б)) КПСС.

⇒ * Кавычки вокруг слова «партия» означают его условный характер. Оно буквально означает *часть*. Коммунистическая же партия после Октября 1917 г., быстро расправившись даже со своими союзниками по революционной борьбе — левыми эсерами и меньшевиками, стала уже не частью, а *целым*.

В 1992 г. в Конституционном Суде РФ проходил процесс, который в публицистике получил название «*дело о КПСС*». И хотя решение по этому делу представляется половинчатым, в нем есть весьма красноречивые слова. Вот отрывки из раздела III мотивировочной части Постановления:

«В стране в течение длительного времени господствовал *режим неограниченной, опирающейся на насилие власти узкой группы коммунистических функционеров, объединенных в политбюро ЦК КПСС во главе с генеральным секретарем ЦК КПСС*.

Имеющиеся в деле материалы свидетельствуют о том, что руководящие органы и высшие должностные лица КПСС действовали в подавляющем большинстве случаев втайне от рядовых членов КПСС, а нередко — и от ответственных функционеров партии. На нижестоящих уровнях управления вплоть до района *реальная власть принадлежала первым секретарям*

²⁵ Ленин В.И. Доклад о деятельности Совета народных комиссаров 11 (24) января // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 276.

²⁶ Ленин В.И. Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 36. М.: Политиздат, 1969. С. 51.

1. Советский тип власти

соответствующих партийных комитетов. Лишь на уровне первичных организаций КПСС имела черты общественного объединения, хотя производственный принцип формирования этих организаций ставил членов КПСС в зависимость от их руководства, тесно связанного с администрацией. Материалами дела, в том числе показаниями свидетелей, подтверждается, что руководящие структуры КПСС были инициаторами, а структуры на местах — зачастую проводниками политики репрессий в отношении миллионов советских людей, в том числе в отношении депортированных народов. Так продолжалось десятилетиями. <...>

До принятия закона СССР об органах госбезопасности продолжало действовать Положение о Комитете госбезопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах от 9 января 1959 года, утвержденное президиумом ЦК КПСС. В нем подчеркивалось, что органы КГБ являются политическими, осуществляют мероприятия ЦК КПСС и работают под его непосредственным руководством, руководящие работники КГБ входят в партноменклатуру, приказы председателя КГБ издаются с одобрения ЦК КПСС. <...>

Рядовые члены КПСС (КП РСФСР) одобряли на своих собраниях политические акции центральных и иных комитетов и их аппарата. Лишь в последнее время начала появляться критика с их стороны, однако решающего влияния рядовые члены КПСС (КП РСФСР) в своей организации добиться так и не смогли.

Руководящие структуры КПСС и КП РСФСР *присвоили государственно-властные полномочия и активно их реализовывали, препятствуя нормальной деятельности конституционных органов власти.* Это послужило юридическим основанием для ликвидации данных структур указом высшего должностного лица Российской Федерации. Действия Президента были продиктованы объективной необходимостью исключить возврат к прежнему положению, ликвидировать структуры, повседневная практика которых была основана на том, что КПСС занимала в государственном механизме положение, не согласующееся с основами конституционного строя»²⁷.

Здесь хочу только обратить внимание на то, что слова о присвоении государственно-властных полномочий не вполне верно отражают реальность. Термин «присвоение» предполагает некую незаконность,

²⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 1992 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 г. № 79 “О приостановлении деятельности коммунистической партии РСФСР”, от 25 августа 1991 г. № 90 “Об имуществе КПСС и коммунистической партии РСФСР” и от 6 ноября 1991 г. № 169 “О деятельности КПСС и КП РСФСР”, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР» // СЗ РФ. 1993. № 11. Ст. 400.

можно сказать, узурпацию. Но в нашем случае этого не было. Аппарат партии действовал в полном соответствии и с конституциями (разных периодов), и с официальной доктриной.

Выдвигая идею «авангарда», Ленин, как всякий утопист, не желал учитывать природу обычного («массового») человека, в том числе пространенную подверженность искушению возвыситься над остальными. Вновь стоит обратиться к вечной книге — Библии, где весьма ярко описаны как момент человеческой слабости, так и отношение Христа к желанию некоторых из Его учеников возвыситься:

«Тогда приступила к Нему мать сыновей Зеведеевых с сыновьями своими, кланяясь и чего-то прося у Него. Он сказал ей: чего ты хочешь? Она говорит Ему: скажи, чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем. Иисус сказал в ответ: не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением, которым Я крещусь? Они говорят Ему: можем. И говорит им: чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься, но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую — не от Меня зависит, но кому уготовано Отцем Моим. Услышав сие, прочие десять учеников вознегодовали на двух братьев. Иисус же, подзвав их, сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф. 20:20–28).

Ленин же, обосновывая «руководящую и направляющую роль» коммунистической партии, звал именно к *возвышению над другими*. Приведу одну из наиболее известных его цитат:

«Признание главенствующей роли партии должно быть у нас в виду, и мы не можем упускать этого при обсуждении вопроса о деятельности, об организационном строительстве. <...> Вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу, чтобы связанные с пролетариатом коммунистические элементы могли пропитать этот пролетариат своим духом, подчинить его себе, освободить его от того буржуазного обмана, который мы так долго стараемся изжить»²⁸.

²⁸ Ленин В.И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. М.: Политиздат, 1981. С. 402–403.

1. Советский тип власти

Понятно, что при таком положении «партия» не только становилась весьма привлекательной для карьеристов (хотя в ней было и немало людей, искренне убежденных в достижимости коммунистических идеалов), но и превращалась, как отмечал Ленин уже в 1921 г., в «узкий круг правящих»²⁹.

Именно тогда и родилась печально знаменитая *советская номенклатура*. Известный политолог **М.С. Восленский** (1920–1997), посвятивший исследованию этого феномена свой знаменитый труд, опубликованный в СССР только во времена перестройки, так писал о связи карьеры с членством в «партии»:

«Речь идет не обязательно о головокружительной карьере. Просто, *если вы хотите быть уверенным, что начальство на работе не будет к вам придираться, что вы нормально будете продвигаться по службе и будете относиться к числу поощряемых, а не преследуемых, вступайте в партию!* Что же касается карьеры в обычном понимании этого слова, то существовало ясное правило: *партбилет — не гарантия карьеры, но его отсутствие было гарантией того, что вы никакой карьеры не сделаете.* Исключения лишь подтверждали это правило. Впрочем, встречались они только в творческой области: было некоторое количество беспартийных академиков и видных деятелей искусства. Беспартийным оставался, например, знаменитый авиаконструктор академик А.Н. Туполев — своенравный старик, отсидевший свое в сталинской тюрьме — «шарашке». Беспартийным был Илья Эренбург. Бывали случаи, когда по тактическим соображениям предпочитали не делать партийным кого-либо из известных лиц: вполне благонамеренный поэт Н.С. Тихонов был оставлен беспартийным, так как бессмертно занимал пост председателя Советского комитета защиты мира, и, поскольку этот придаток Международного отдела ЦК КПСС объявлен беспартийной организацией, руководство сочло лучшим не давать Н.С. Тихонову партбилета. Анекдотическим курьезом было то, что разгромивший биологическую науку в СССР мракобес Лысенко был беспартийным, хотя по духу своему он вполне подходил даже в члены сталинского ЦК.

Но если в творческой области исключения еще бывали, то одна закономерность фактически не знала исключений: *беспартийный не мог занимать даже скромный административный пост*; если же по каким-либо соображениям его формально назначали на такой пост (что тоже мыслимо только в области науки и культуры), никто этого всерьез не принимал, и все дела вел

²⁹ См.: Ленин В.И. Наказ от СТО (Совета труда и обороны) местным советским учреждениям. Проект // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 43. М.: Политиздат, 1970. С. 280.

специально приставленный партиец. Так, физик с мировым именем, нобелевский лауреат академик П.Л. Капица занимал пост директора Института физических проблем Академии наук СССР, но все административные дела вел его партийный заместитель. В Академии наук СССР вообще была до начала 50-х годов традиция, что президентом был беспартийный, но всегда назначался из числа членов партии фактический руководитель академии: так, при В.Л. Комарове таким был первый вице-президент О.Ю. Шмидт, полярник и Герой Советского Союза, а при С.И. Вавилове — главный ученый секретарь президиума, а затем первый вице-президент А.В. Топчиев, отличавшийся решительностью в действиях и невежеством в науке.

То, что руководитель любого советского учреждения — непременно член партии, прочно вошло в установившийся порядок: *в каждом парткоме есть гарантированное руководителю место*, и показателем влияния руководителя считается количество голосов, поданных за него на выборах в партком. *Итак, вступление в КПСС — вопрос не убеждений, а продвижения по работе для большинства и карьеры — для меньшинства*³⁰.

Ленин, разумеется, видел, во что превращается его детище. Об этом свидетельствует масса его писем, телеграмм, речей и статей начала 1920-х годов, по которым мы можем судить не только о вопиющих фактах злоупотреблений со стороны партийных функционеров и советских чиновников, но и, главное, о том, что «партия», лишенная — в полном соответствии с теоретическим фундаментом — даже намек на политическую конкуренцию, становилась все более закрытой и иерархической.

Ленин как вождь позволял себе беспощадные формулировки в отношении соратников. Вот одно из наиболее известных его выражений в письме в Политбюро ЦК РКП (б): «Верх позора и безобразия: партия у власти защищает “своих” мерзавцев!!!»³¹. Однако трудно сказать, понял ли он в конце жизни, что *закрытая корпорация всегда «защищает своих мерзавцев»*, или считал это «функциональным отклонением», «болезнью роста», временным явлением. Но даже если он уже и не верил в жизнеспособность своей конструкции, признаться в этом не мог, ибо тогда пришлось бы признать свое теоретическое, да и политическое фиаско. И уж точно не собирались подвергать ревизии «устой системы» его по-

³⁰ Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 37.

³¹ Ленин В.И. Письмо в Политбюро ЦК РКП(б) от 18 марта 1922 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 53.

1. Советский тип власти

следователи, понимая, что тогда разрушилась бы идеологическая база их абсолютной власти.

* * *

На мой взгляд, одно из обстоятельств, приводящих человечество к социальным катастрофам, состоит в том, что, оценивая новую идею с позиции «что хорошего она сулит», люди не задаются вопросом, «что это *отнимет*» или «какую *опасность* несет». Собственно, ничего нового в этом подходе нет. В экономике давно принято просчитывать риски. А вот в социальной инженерии такой принцип практически не применяется.

Ликвидация всяких правовых ограничителей власти привела к соответствующему вполне ожидаемому результату: ничем и никем не сдерживаемые слабости, соблазны и искушения обусловили сначала формирование того самого «узкого круга правящих», а затем естественное воспроизведение правящими тиранической модели власти. Но самое опасное состоит даже не в этом, а в том, что в обществе искажаются представления о добре и зле, о правильном, или хотя бы приемлемом, и недопустимом.

Известный французский философ **Андре Глюксман** (1937–2015) в одном интервью высказал точную мысль: «Отчаяние и то, что я называю нигилизмом, то есть отсутствие каких-либо нравственных ориентиров, *распространились от исполнителей советского террора на саму народную массу, заразили и пронизали ее*, как переполненный сосуд, вода из которого заливают весь пол. Это не значит, что население в массе своей стало морально готовым к террору, готовым сорваться с цепи, но оно *утеряло понимание того, что является злом*. (Замечу, что я не говорю тут об идее добра, которая весьма относительна в современных обществах вообще.) Но для того, чтобы управлять обществом, будь то сверху или снизу, необходимо, чтобы *в обществе было выработано определенное понимание того, что является злом. В обществе должно существовать согласие относительно того, чего обязательно следует избегать*. Однако после семидесяти лет коммунизма оказалось, что зло — это всё и ничего. И элиты, и простые люди затрудняются сказать, что является самым страшным, худшим»³².

³² Уроки Солженицына (Интервью с французским философом Андре Глюксманом) // Свободная мысль — XXI. 2004. № 4. С. 180–181.

Мессианство vs. эффективность

Даже лучшие намерения создать на земле рай могут превратить ее только в ад — в ад, который человек — и только он — может создать своим собратьям.

Карл Поппер

Открытое общество и его враги

Как показал опыт СССР и всех других стран, добровольно или вынужденно следовавших ленинской концепции социализма, «освобожденный труд» на поверку оказался трудом рабским, т.е. наименее производительным. И все же этот строй мог себя сохранять довольно долго. Что же привело к его краху?

Окончательной целью марксистского учения, напомним, является построение коммунизма во всем мире. Большевики вначале полагали, что построить социализм возможно только в условиях свершения пролетарских революций в развитых странах Европы и США. Однако вскоре стало ясно, что подобным надеждам сбыться не суждено, во всяком случае в обозримые сроки. И тогда в доктрину была внесена корректива — возможность «победы социализма *в одной, отдельно взятой стране*». Тем не менее построение коммунизма по-прежнему считалось реальным только в мировом масштабе, что, естественно, предполагало приход к власти (мирным или вооруженным путем) коммунистических партий, прежде всего в развитых капиталистических странах. Собственно, это и предопределило всю политическую линию советского руководства на долгие годы, особенно в сталинский период.

Несложно догадаться, что фактически речь шла о попытке реализации *мессианской идеи — преобразования всего мира по подобию СССР*.

1. Советский тип власти

Естественно, сам Советский Союз мыслился как лидер будущего мироустройства, а советский вождь автоматически становился единственным мировым лидером (эта модель была опробована в рамках Коммунистического Интернационала — Коминтерна). Так утопия «всеобщего счастья» редуцировалась до банальной идеи мирового правителя.

Банальной — поскольку отнюдь не Сталин был здесь первым. Не он и последний. Последним, но уже реальным властелином мира на недолгий срок станет апокалиптический зверь — антихрист. Замечательный русский философ **В.С. Соловьев** (1853–1900) в художественной форме попытался даже предположить, как он получит всемирную власть: «Грядущий человек *был выбран почти единогласно в пожизненные президенты* европейских соединенных штатов; когда же он явился на трибуне во всем блеске своей сверхчеловеческой юной красоты и силы и с вдохновенным красноречием изложил свою универсальную программу, увлеченное и очарованное собрание в порыве энтузиазма *без голосования решило воздать ему высшую почесть избранием в римские императоры*»³³.

Трудно сказать, формируется ли у человека цель стать мировым правителем заранее, или она возникает у него по мере укрепления режима неограниченной власти. В нашем случае важно другое: идея мирового господства под прикрытием цели глобального переустройства по определенному образцу неизбежно превращает страну в «военный лагерь». А милитаризация подчиняет себе все иные функции подобного государства. Когда сегодня кто-то называет **Сталина «эффективным менеджером»**, это не только кощунственно, но и *неверно по существу*. Он не был ни менеджером, ни эффективным.

Термин «менеджер» даже с большой долей условности неприменим к Сталину. Он *не был наемным управляющим* даже формально, ибо народ-суверен *не «нанимал»* его посредством свободных выборов. Не был им и фактически, так как играл роль *вождя* и позиционировал себя именно в таком качестве («учителя и отца народов»). Он не выполнял волю принципала, если говорить в терминах принципал-агентской модели, — напротив, народ следовал его воле, и при этом никто, не рискуя быть раздавленным

³³ Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями // Соловьев В.С. Избранное / сост., автор вступ. ст. и коммент. С.Б. Рощинский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 739.

репрессивной машиной, не смел допускать даже тени сомнения в правильности целей и средств государственной политики.

Что же касается эффективности, то все дело в том, *в каких координатах* мы ее определяем. Конечно, государственной машине, возглавляемой Сталиным, удалось за сравнительно короткое время создать из страны военный лагерь (хотя одновременно она превратилась в некотором смысле и в «лагерь концентрационный»). Однако это было не следствием искусного управления. Искусство Сталин проявил в другом — в умении превратить свою, поначалу организационно-техническую, должность генерального секретаря ЦК партии в центральную и использовать ее для того, чтобы не просто стать всемогущим диктатором, но и обеспечить себе квазирелигиозное поклонение.

Особенностью сталинской модели мобилизационной экономики было сочетание *мотива страха*, поддерживаемого репрессиями и тотальным контролем, с *мотивом романтики*, действовавшим прежде всего в молодежной среде. К тому же литература, кинематограф, театр, живопись, песни — все служило поддержанию убежденности в том, что создается новое общество и что временные трудности завтра обернутся счастливой жизнью. Таким образом, речь не идет об эффективности управления. Любой древний восточный деспот добивался сопоставимых результатов.

Напомню, что один из любимых аргументов поклонников сталинизма гласит: «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой» (фразу приписывают У. Черчиллю, но авторство точно не установлено). Не стану долго говорить о том, что Сталин «принимал страну» отнюдь не с «сохой». Дობольшеви́стская Россия, конечно, была еще крестьянской страной. Но с конца XIX в. в ней бурно развивалась промышленность, росла и грамотность населения. Так что к 1930-м годам, а тем более к середине XX в. страна, без сомнения, стала бы ведущей в мире как по экономическим, так и по социальным показателям. Вот только один пример — строительство железных дорог.

В.Н. Козлов и Д.Б. Орешкин, проанализировав статистические данные, пишут, что длина железных дорог в 1913 г. (в советское время за точку сопоставления брался именно этот — предвоенный — год) составляла 58,5 тыс. км, а в 1956 г. — 120,7 тыс. км, т.е. увеличилась более чем вдвое. Однако с 1865 по 1890 г., т.е. за 25 лет, железнодорожная сеть России выросла *в семь (!) раз* —

1. Советский тип власти

больше, чем в Англии (ее показатель за тот же период — шесть раз), хотя и несколько меньше, чем в Германии. «Но, в любом случае, царская Россия очевидным образом входила в число мировых лидеров по темпам развития транспортной инфраструктуры»³⁴. «С 1893 г. Россия вводит в среднем уже по 2,5 тыс. км путей в год: на рубеже веков среднегодовой прирост приближается к 2 тыс. км и даже более. Параллельно растут объем грузоперевозок, показатели торговли, промышленное производство, урбанизация и т.д.»³⁵. «Среднегодовой прирост сети с 1913 по 1956 г. — 1,4 тыс. км. То есть благодаря революции, коллективизации, индустриализации, мобилизации, идеологизации, концентрации и централизации “желдортранспорт” под личным контролем вождя в XX в. успешно съехал на темпы времен отмены крепостного права (1865—1875 гг.)»³⁶. А далее авторы объясняют, почему выбрали пример с железными дорогами: «В других случаях советская статистика маскирует провалы чуть-чуть искуснее. Либо подменяя понятия, когда, например, вместо цифр по урожаю доказательством успеха служат цифры по увеличению распахки земель в колхозах и сокращению доли кулацких хозяйств. Либо показывая прирост в процентах, чтобы нельзя было сравнить натуральные объемы. Либо измеряя прирост в рублях. Советский рубль с точки зрения экономического эталона столь же эффективен, как каучуковый эталон метра. Рублей сколько велел Госплан, столько и напечатали. Поэтому прирост производства, выраженный в них, может легко достигать и 20, и 30, и 50,5 при неизменном или даже убывающем натуральном объеме. Советская статистика быстро усвоила правила игры: ее задачей стало не отражение действительности, а доказательство преимуществ социалистического строя. Если некий факт таких преимуществ не доказывает, его просто нет. Или, как апокрифически сформулировал видный советский экономист, академик С. Струмилин, “лучше стоять за высокие темпы развития, чем сидеть за низкие”»³⁷.

Примечательно, однако, другое: почему-то именно «атомная бомба» фигурирует как главное достижение сталинского режима. Понятно, что за словами о бомбе подразумевается передовая наука и соответствующий уровень промышленности. Но нет сомнений, что уровень научных и технических достижений был бы на порядок выше, если бы репрессивная власть не вынуждала одних ученых и инженеров к эмиграции

³⁴ Козлов В.Н., Орешкин Д.Б. Статистика и этика // *Общественные науки и современность*. 2009. № 1. С. 89.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 90.

³⁷ Там же. С. 91.

(хрестоматийными стали фамилии И.И. Сикорского и В.К. Зворыкина, я уж не говорю о «философском пароходе»), не уничтожала бы других, не помещала бы третьих в «шарашки». (Об одной из «шарашек» говорится в романе А.И. Солженицына «В круге первом». Там тоже были достижения, но, повторю, неужели в условиях свободного творчества они были бы ниже?)

Так вот, показательно, что «достижения Сталина» редуцированы именно до средства массового уничтожения. Государственная цель, действительно, состояла не в расцвете общества, а в противостоянии «империалистическому лагерю» — этой бездонной топке, куда бросались судьбы людей, природные богатства, культурные ценности и проч. и проч. За символом «атомной бомбы» скрывается совершенно технократический взгляд на смысл существования общества. Да и само понятие «передовая наука» как один из индикаторов развития не может ограничиваться научными достижениями, предназначенными только для военного или связанного с ним производства. Современная наука и вообще современное общество немислимы без социальных наук и наук о человеке. Между тем эти научные сферы, как, впрочем, и некоторые области естественных наук, находились под жестким идеологическим контролем, и некоторые научные направления либо впрямую запрещались (например, социология, психология, генетика, кибернетика), либо существенно ограничивались, а их представители подвергались разного рода репрессиям.

Наконец, главное: *социальная эффективность* принципиально отличается от эффективности, условно говоря, *утилитарной*. Так, изобретенная в период Великой французской революции гильотина, конечно, стала гораздо более эффективным орудием казни, чем традиционный топор палача. Но были ли для французского общества «эффективны» массовые казни «врагов народа» — сначала аристократов, а затем (в рамках внутривидовой борьбы) и многих революционеров? Социальная эффективность имеет иные оси координат. И среди них — *способность достигнутого результата стать основой для дальнейшего развития общества*.

Мобилизационная модель, в ходе которой в СССР действительно была создана (а во многом воссоздана после Гражданской войны) тяжелая промышленность, могла стать основой для улучшения жизни людей

1. Советский тип власти

и последующего динамичного развития экономики. Но не стала. Нельзя отрицать, что к 1940 г. обозначилось некоторое повышение материального уровня жизни населения. Однако в целом достигнутые результаты предназначались не для человека, а для все той же мессианской цели. Скажут: СССР готовился к войне. Но ведь другое тоталитарное государство — Германия — еще более целенаправленно к ней готовилось, а средний уровень жизни населения был там совершенно иным.

У меня в голове давно сложился образ советской действительности — «космический корабль, проплывающий над бараками». Примерно о том же пишет мой коллега по Высшей школе экономики, замечательный исследователь русского языка **Г.Ч. Гусейнов**: «Сталинскими у нас называют добротные дома высокого класса, которые строили, стало быть, при великом вожде и отце всех народов, а вот хрущобами называют бедное железобетонное строительство эпохи Хрущева, которого изображают эдаким жалким ниспровергателем Сталина. <...> на самом-то деле сталинская архитектура — это не те несколько сотен роскошных многоквартирных домов для элиты, в которых горит “московских окон негасимый свет”, а, совсем наоборот, десятки тысяч барачков — не только лагерных, а и тех, других, в которых и до сих пор живут еще по городам и весям бывшего СССР сотни тысяч людей»³⁸.

По формальным параметрам сталинский режим в целом соответствовал распространенному в институциональной экономике понятию «стационарный (оседлый) бандит», однако деятельность государства напоминала скорее «кочующего бандита», который стремится побольше нагнать и уйти (эти понятия ввел американский экономист **Мансур Олсон** (1932–1998)). Ощетинившаяся оружием страна при бедном населении — вот результат «эффективного менеджмента», который привел к историческому провалу «советского проекта» в целом.

Итак, выпестованный Сталиным гигантский античеловеческий механизм позволил создать промышленность и промышленную инфраструктуру, хотя и не самую передовую, не затрачивая сколько-нибудь значительных средств на человека. Как емко сформулировала яркий публицист **Юлия Латынина**, «тоталитарные режимы в состоянии умерить миллионы человек — но они не в состоянии их прокормить».

³⁸ Гусейнов Г. Язык мой — Враг мой. Хроника от Ромула до Ленинопада. Киев: Laurus, 2017. С. 312.

Но не только в сталинский период, а практически на протяжении всех лет советской власти мессианство требовало низкого уровня социальных обязательств государства. После смерти Сталина режим стал менее кровавым, что, впрочем, объяснялось не столько гуманизмом партийного руководства, сколько инстинктом самосохранения: никто из представителей номенклатуры больше не хотел все время трястись от страха. Однако мессианская цель осталась. Только вместо ожидания «мировой революции» и соответствующей помощи зарубежным «братьям по классу» появилась идеология «мирного соревнования (существования) с капитализмом». Но и это «соревнование» требовало, с одной стороны, постоянного наращивания военного потенциала, с другой — помощи многочисленным «братским компартиям капиталистических стран», государствам, вошедшим в «советский блок», и странам, освобождающимся от колониальной зависимости, стоило лишь их лидерам заявить о своих симпатиях к СССР.

В то же время в ситуации «мирного сосуществования» сработала социальная закономерность: ослабление репрессивного давления на общество и угасание надежд на то, что «мы строим новый мир», побудили советских людей обратить внимание на свои житейские интересы. Уже в 1950–1960-е годы прошло несколько антиправительственных выступлений рабочих, из которых сегодня наиболее известны кровавые новочеркасские события 1962 г. (выступление рабочих из-за повышения цен на мясо). Это заставило власти направлять более значительные материальные средства в социальную сферу, прежде всего на массовое жилищное строительство и постепенное повышение зарплат.

Однако экономика даже такой богатой ресурсами страны, как СССР, не могла выдержать одновременно бремя мессианства и поддержание сносного материального уровня населения. Она была слишком милитаризированной и в то же время малоэффективной, ибо плановая командная экономика, не допускающая конкуренции (соревнование между государственными предприятиями было пародией на конкуренцию), не может быть иной. Не случайно советское послесталинское руководство время от времени намечало реформы. Однако они либо не приносили успеха, либо сворачивались по идеологическим причинам, поскольку их смысл состоял в материальном стимулировании качественного производительного труда, что несло в себе намек пусть и на

1. Советский тип власти

слабое, но подобие рыночной экономики. Так что даже к концу советской власти (1990 г.) уровень ВВП на душу населения составлял лишь 30–40 процентов от уровня развитых стран.

На какое-то время совместить обе задачи помогло резкое наращивание добычи углеводородного сырья (к 1970-м годам началось освоение богатейших запасов нефти и газа в Западной Сибири) на фоне роста с 1972 г. мировых цен на углеводороды. Однако именно сырьевая ориентация в условиях полностью государственной экономики стала затем существенным фактором краха советской модели³⁹.

* * *

Итак, именно мессианство привело советскую систему к краху. Но, тем не менее, у России появился еще один шанс стать государством, где люди живут нормальной — человеческой — жизнью. Модель реализации этого шанса заложена как раз в нашей Конституции.

³⁹ См. об этом подробнее: *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006.

Контрольные вопросы

1. Назовите три основных черты советского типа власти.
2. Почему В.И. Ленин был противником принципа разделения властей?
3. Какие основные элементы характеризуют организацию Советов в представлении В.И. Ленина?
4. Почему концепция «полугосударства» оказалась нереализованной?

Рекомендуемая литература

Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969.

Маркс К. Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального совета международного товарищества рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. М.: Госполитиздат, 1960.

Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955.

2

КОНСТИТУЦИЯ И КОНСТИ- ТУЦИОННЫЙ СТРОЙ

Не в силах никакая конституция
устроить отношенья и дела,
чтоб разума и духа проституция
постыдной и невыгодной была.

Игорь Губерман
Из цикла «Гарики»

О термине

Слово «конституция» давно стало привычным. Любой человек в общем понимает, о чем речь; по крайней мере, сегодня уже вряд ли возможна ситуация, когда под «конституцией» подразумевалась бы жена великого князя*.

⇒ * По известному историческому преданию солдаты, выведенные 14 декабря 1825 г. на Сенатскую площадь, считали, будто «Конституция», за которую нужно бороться, — это имя жены претендента на царский престол великого князя Константина Павловича.

Сегодня каждое государство имеет конституцию (хотя не везде она представляет собой один акт — основной закон). Почему же тогда еще два с лишним века назад это слово было знакомо только немногим образованным людям? И почему раньше государства вполне обходились без конституций? Это не такие уж простые вопросы. Сложности начинаются уже с некоторой двойственности понятия «конституция», которой оно обязано двум основным значениям латинского слова «*constitutio*»¹.

Первое — *устройство (устроение)*, т.е. нечто *существующее помимо человеческой воли*. В этом значении термин «конституция» употребляется в биологической науке, когда нужно обобщенно сказать о морфологических и функциональных особенностях организма животных и человека, сложившихся на основе наследственных и приобретенных свойств. Но в таком значении и мы его иногда применяем в обыденной жизни, например если хотим объяснить свою полноту или худобу: «У меня такая конституция». Применительно к государствам конституции в этом, «*биологическом*», смысле существовали даже в древнейших восточных деспотиях. Сердцевиной таких конституций был полный произвол пра-

¹ См.: Подосинов А.В., Козлова Г.Г., Глухов А.А. *Lingua Latina*. Латинско-русский словарь. 4-е изд. М.: Флинта; Наука, 2001. С. 67.

2. Конституция и конституционный строй

вителя: например, возможность лишить свободы, собственности или самой жизни любого из своих подданных даже без объявления причин (как царь Ирод, приказавший избить младенцев — уничтожить 14 тысяч ни в чем не повинных детей до двух лет).

Выдающийся немецкий юрист **Георг Еллинек** (1851–1911) именно этот смысл имел в виду, когда утверждал:

«Всякий постоянный союз нуждается в порядке, согласно которому создается и исполняется его воля, ограничивается его компетенция, регулируется положение его членов в самом союзе и по отношению к нему. Такого рода порядок называется конституцией. У каждого государства имеется, таким образом, своя конституция. Государство без конституции было бы анархией. Конституция свойственна *даже* “*тирании*” в античном смысле — так называемым деспотиям, равно как и такому строю, где правление находится в руках демократического комитета общественного спасения вроде французского 1793 года»². Тут, правда, Еллинек несколько противоречит себе, поскольку чуть выше он сказал об «ограничении компетенции», что не очень совместимо с понятиями «тирания», «деспотия», пусть и в античном понимании.

Второе словарное значение слова «конституция» — *установление*. Нетрудно видеть, что оно подразумевает уже чье-то оформленное *веление*. Именно в таком, «*юридическом*», значении слово «конституция» известно давно. Так назывались отдельные указы римских, затем византийских императоров до VII в. н.э. Но даже если акты, менявшие систему государственных органов, официально так не именовались, исследователи Древнего Рима тоже называли их конституциями. Например, у известного исследователя римской государственности и быта **Теодора Моммзена** (1817–1903) часто можно встретить слова о *конституции* какого-либо политического деятеля республиканского Рима (Мария, Гая Гракха, Суллы или Помпея)³. В Средние века словом «конституция» обозначались уставы некоторых монашеских орденов (русское слово

² Еллинек Г. Общее учение о государстве // Право современного государства. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. по 2-му нем. изд. С.И. Гессеном. СПб.: Издание Юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1908. С. 371.

³ См.: Моммзен Т. История Рима / воспроизведение перевода «Римской истории» (1939–1949 гг.) под науч. ред. С.И. Ковалева, Н.А. Машкина. СПб.: Наука; Ювента, 1997.

«устав» — буквальный перевод слова «конституция» в значении «установление»), а также акты, определявшие структуру управления ряда европейских городов-республик.

Однако не всякое устройство и не всякое установление можно обозначить термином «конституция», а только такое, которое предполагает нечто *принципиально важное*. Об этом, собственно, свидетельствует сам корень «*const*», означающий *постоянство, устойчивость, укорененность*. О различии между фундаментальным и производным, кажется, впервые было сказано **Аристотелем** (384—322 гг. до н.э.): он выделял основу государства (политию) и законы, изданные на этой основе (номос). Такое понимание и было заимствовано римлянами, которым мы обязаны словом «конституция». Г. Еллинек в небольшой брошюре «Конституция, их история и значение в современном праве» (единственное и множественное число смешаны в переводном оригинале) писал:

«Римляне также проводят строгое различие *между конституцией государства и отдельными законоположениями*, как бы велико ни было значение последних для общества. Установление конституции они обозначали специальным термином: “*rem publicam constituere*”. В великие *поворотные моменты* римской истории право изменения конституции возлагалось на чрезвычайные магистраты, которые облакались учредительной властью, последняя же фактически представляла собой совершенно неограниченную власть. Из этого выражения — *rem publicam constituere* — и возник термин “конституция” *в смысле государственного устройства*, вошедший, впрочем, во всеобщее употребление *лишь с XVIII века*⁴.

Чрезвычайный магистрат, или экстраординарная магистратура (*magister populi* — букв. «предводитель народа»), представлял собой, по существу, диктатуру. Только не в современном — негативном — смысле. В частности, должность *magister populi* вводилась при серьезной угрозе Республике и не более чем на шесть месяцев. Только последний «предводитель народа» — Луций Корнелий Сулла (138—78 гг. до н.э.) — объявил себя пожизненным диктатором.

Весьма удачно, кстати, перевел термин «конституция» наш выдающийся соотечественник **М.М. Сперанский** (1772—1839), чей голос, к

⁴ Еллинек Г. Конституция, их история и значение в современном праве. СПб.: Книгоиздательство «Голос», б.г. С. 8.

2. Конституция и конституционный строй

сожалению, не был вовремя услышан, а реформаторский потенциал не был оценен. Он говорил о конституции как о «*коренных законах*»:

«Каким образом *коренные законы* государства сделать столько *неподвижными и непрменяемыми* (архаичный вариант слова «неизменными». — М. К.), чтоб *никакая власть преступить их не могла* и чтоб сила, в монархии вседействующая, над ними единственно никакого действия не имела? Сей вопрос всегда был наиважнейшим предметом размышления всех добрых государей, упражнением наилучших умов, общею мыслию всех, кто истинно любит отечество и не потерял еще надежды видеть его счастливым»⁵.

Итак, само слово «конституция» известно давно. Но применялось оно в политической и правовой сферах весьма редко, что неудивительно: до определенного времени термин имел иной смысл, нежели сегодня. Известный немецкий социал-демократический деятель XIX в. **Фердинанд Лассаль** (1825–1864), о взглядах которого на сущность конституции мы поговорим отдельно, считал, что при переходе к абсолютной монархии «государю нет надобности писать новую конституцию; монархия *слишком практична*, чтобы заниматься этим»⁶. Однако вопрос тут вовсе не в практичности. Лассаль имел в виду монарха как полномочного правителя, а *конституция в современном смысле родилась как раз для того, чтобы устранить чье бы то ни было полновластие, всевластие*.

⁵ Сперанский М.М. О коренных законах государства // Сперанский М.М. Юридические произведения / под ред. и с биогр. очерком В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. С. 274.

⁶ Лассаль Ф. О сущности конституции (Речь, произнесенная в одном берлинском окружном собрании в 1862 г.) // Сочинения Фердинанда Лассаля: в 2 т. Т. 2. СПб.: Изд. Н. Глаголева, 1905. С. 20.

Рождение конституции современного типа

Считается, что конституции, несущие идею ограничения власти, появились лишь в последней четверти XVIII в. Верно. Но это не было внезапным событием, не было чьим-то озарением. Это был итог длительного процесса, начавшегося еще в XVI в. В это время, писал Г. Еллинек, появляется понятие «*основной закон (lex fundamentalis)*», который «обладает высшей силой сравнительно с другими законами: даже *сам король связан этим законом* и не может по своему личному усмотрению изменять его. Во Франции, в эпоху Генриха IV Луайзо заявляет, что “*lois fondamentales de l’Estat*” (основные законы государства) ставят *прочные границы королевской власти*»⁷. Эти акты и были прообразом современной конституции.

Крупные ученые, среди которых — **Томас Гоббс** (1588–1679), **Джон Локк** (1632–1704), **Сэмюэль фон Пуфендорф** (1632–1694), **Христиан Вольф** (1679–1754), **Жан-Жак Руссо** (1712–1778), **Эмер де Ваттель** (1714–1767), **Уильям Блэкстон** (1723–1780), **Эдмунд Берк** (1729–1797), начинают осмысливать природу основного закона. И при всех различиях позиций они согласны в том, что это есть *общественный договор*⁸.

Неудивительно, что первые американские переселенцы, бежавшие чаще всего от преследований по религиозным мотивам и видевшие свое будущее государство как государство свободы и равноправия, восприняли такую

⁷ Еллинек Г. Конституция... С. 11.

⁸ См.: Там же. С. 16–18.

2. Конституция и конституционный строй

идею конституции. Будучи в большинстве своем пуританами, они исходили из понимания государства как христианской общины, возникшей «в силу соглашения, в силу общественного договора, который должен быть заключен единогласно всеми членами сообщества»⁹. Наиболее важной из конституций колоний Г. Еллинек считал Конституцию Коннектикута — *Fundamental Orders of Connecticut* (1639 г.): «Здесь в *форме торжественного договора* изложена подробная конституция государства»¹⁰. В этот же период подобного рода акты были приняты и в некоторых других колониях (впоследствии штатах): Массачусетсе, Пенсильвании, Род-Айленде.

Конец XVIII в. можно смело назвать моментом цивилизационного прорыва человечества. А выразился этот прорыв главным образом как раз в появлении *первых конституций современного типа — США (1787 г.), Польши (май 1791 г.) и Франции (сентябрь 1791 г.)*.

Соединенные Штаты. В ходе Войны за независимость (1775–1783 гг.) американские штаты (колонии) вышли из-под юрисдикции британской короны. Встал вопрос о характере будущего государства. Но колонисты не начинали с нуля: еще за 11 лет до момента принятия Конституции Второй Континентальный конгресс, в котором участвовали 65 делегатов от всех 13 штатов (г. Филадельфия, 4 июля 1776 г.), принял *Декларацию независимости*, в основу которой был положен текст, написанный **Томасом Джефферсоном** (1743–1826), впоследствии ставшим третьим Президентом США. Декларация в основном была посвящена объяснениям, почему колонисты не желают больше жить под властью короля Георга III. Однако наряду с этим в ней провозглашались те ключевые идеи, на основе которых американцы стали строить свою государственность, — *естественные права человека и несовместимость с ними тиранического правления*. Вот что говорится в одном из первых абзацев этого документа: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что *все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью*. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых. В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, *народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье*. Разумеется, благоразумие требует, чтобы правительства, установленные с давних пор, не менялись бы под

⁹ Еллинек Г. Конституция... С. 12.

¹⁰ Там же. С. 12–13.

влиянием несущественных и быстротечных обстоятельств; соответственно, весь опыт прошлого подтверждает, что люди склонны скорее сносить пороки до тех пор, пока их можно терпеть, нежели использовать свое право упразднить правительственные формы, ставшие для них привычными. Но *когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно подчиненных одной и той же цели, свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности на будущее становится правом и обязанностью народа».*

Отношение к Декларации «отцов-основателей» было таково, что она сама по себе уже была конституцией и составляла существенную часть общественного консенсуса¹¹. Это отчасти объясняет, почему в основном тексте американской Конституции, принятой 17 сентября 1787 г., отсутствуют нормы о правах личности. Разработчики сосредоточились на обеспечении такого устройства власти, которое бы служило гарантией от тирании, или, как сказали бы сегодня, от авторитаризма, от режима личной власти. Другое дело, что уже 15 декабря 1791 г. были ратифицированы первые *десять конституционных поправок* (некоторые из них, впрочем, закрепляли не столько конкретные права и свободы, сколько *принципы* правового положения личности). Они получили название *Билль о правах* (не путать с британским Биллем о правах 1689 г.). Впрочем, раздел о правах и свободах отсутствует и в Конституции Австралии, однако это не мешает стране быть одной из передовых в соблюдении и защите прав личности¹².

Польша. Здесь Конституция, принятая 3 мая 1791 г. (формально именовалась «Государственный закон»), появилась как юридическое оформление компромисса между нарождавшейся буржуазией и потомственной аристократией (шляхтой). Считается, что принятие Конституции Польши погасило опасность гражданской войны. Эта Конституция не основывалась на идее естественных и равных прав человека (по крайней мере, в стране сохранялся крепостной строй), да и просуществовала она недолго: через четыре года государство утратило независимость (второй и третий разделы Польши). Однако польская Конституция рассматривается как вторая в мире и первая в Европе конституция современного типа потому, что была *актом высшей юридической силы, ограничивающим власть монарха*.

¹¹ См., например: Альберт Р. «Выгоды», доступные президентским республикам, в условиях парламентских демократий // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 3. С. 36; Merkel R. Separation of Powers — A Bulwark for Liberty and a Rights Culture // Saskatchewan Law Review. 2006. Vol. 69. No. 1. P. 129–130.

¹² См., например: Храмова Т. Австралия: Конституция без прав и права вне Конституции // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 4.

2. Конституция и конституционный строй

Франция. Особенностью первой Конституции, принятой Учредительным собранием 3 сентября 1791 г., стало включение в ее официальный текст *Декларации прав человека и гражданина* от 26 августа 1789 г., которая до сих пор является неотъемлемой частью Конституции Франции. Хотя особа короля в первой Конституции провозглашалась неприкосновенной и священной, одновременно закреплялось, что «во Франции *нет власти, стоящей над законом*. Король царствует *лишь в силу закона*, и лишь именем закона он может требовать повиновения». Еще больше оснований считать Конституцию Франции одной из первых конституций современного типа дает то, что она превратила *каталог прав и свобод личности в составную часть конституции и связала реальность этих прав и свобод с принципом разделения властей*.

Хотя все три конституции довольно сильно отличались друг от друга по структуре и формулировкам; хотя разным был общественно-политический контекст, в котором они рождались, все они относятся к *первым конституциям современного типа*, поскольку объединены *идеями ограничения государственной власти*. Первые конституции породили довольно бурный процесс принятия конституций в ряде европейских, а также латиноамериканских государств. Но почва для этого к началу XIX в. была уже взрыхлена: идея конституционализма охватила мыслящую часть общества и даже многие монархи поняли, что противиться этой идее опасно.

Большую роль в «конституционализации» Европы сыграли и *Наполеоновские войны*, что, вообще-то, являет собой некоторый парадокс: Наполеон пытался создать империю и в то же время нес антиимперские идеи. Выдающийся русский правовой мыслитель **Б.Н. Чичерин** (1828–1904) писал, что Наполеоновские войны оказали *либерализующее влияние*: «После падения Наполеона представительные учреждения скорее всего возникли в тех странах, на которых он оставил свои следы», именно там «законная власть и свобода соединились для низложения военного деспотизма»¹³. Это подтверждает и Г. Еллинек, который отмечал, что в конце 1810-х — начале 1820-х годов по инициативе самих монархов были приняты конституции ряда немецких княжеств — Баварии, Вюртемберга, Бадена, Гессена¹⁴. Это не означало, что монархи были бóльши-

¹³ См.: Чичерин Б.Н. О народном представительстве. СПб.: Наука, 2016. С. 210–211.

¹⁴ См.: Еллинек Г. Общее учение о государстве. С. 343.

ми «конституционалистами», нежели их подданные. Просто некоторые из них смогли понять: наступает новая эпоха, с требованиями которой нельзя не считаться. Как писал тот же Г. Еллинек, они хотели *«согласовать»* долженствовавший быть созданным *конституционный порядок с княжеским суверенитетом*, который надлежало *охранить от поглощения* его революционными идеями»¹⁵.

В то же время оставались государства (к сожалению, Россия была в их числе), где конституционные идеи еще не овладели обществом и потому не было должного общественного напора. Поскольку требование конституции в те времена воспринималось как требование ограничить власть монарха, «конституция» ассоциировалась с «революцией». Образную иллюстрацию такого положения вещей можно найти у нашего замечательного писателя с острым сатирическим взглядом **М.Е. Салтыкова-Щедрина** (1826—1889).

В его сатире «Культурные люди» представлен распространенный тип человека тогдашнего (думаю, и сегодняшнего!) среднего класса. В уста героя писатель вкладывает такую ехидную самохарактеристику: «Я человек культурный, потому что служил в кавалерии. И еще потому, что в настоящее время заказываю платья у Шармера. И еще потому, что по субботам обедаю в Английском клубе». После этого герой рассказывает: «Говорят, будто утробистые люди частью в Москву перебрались, частью у себя, по своим губернским клубам, засели. Там будто бы они не только едят и пьют, но и разговаривают. Только об губернаторах говорить не смеют, потому что губернаторы строго за этим следят. А о прочих предметах, как-то: об икре, о севрюжине и даже о Наполеоне III — говори сколько угодно. Говорят, был даже такой случай: один утробистый взял да *вдруг ни с того ни с сего и ляпнул: конституций, говорит, желаю!* Туда, сюда — к счастью, губернатор знал, что *малый-то выпить любит, стало быть, человек благонамеренный.*

— Пьян, старик, был?

— Точно так, ваше превосходительство, заставьте Богу за себя молить!

— Ну, Бог простит — ступай! Только вперед, коли чувствуешь, что пьян, сейчас беги домой и спать ложись!

— Рады стараться, ваше превосходительство!

¹⁵ Там же.

2. Конституция и конституционный строй

И таким образом, вся эта история измором кончилась. А будь-ка губернатор построже, да взгляни на дело с точки зрения “внутренней политики” — ну, и быть бы бычку на веревочке! Фюить!»¹⁶.

Это произведение вышло в 1876 г., т.е. в относительно либеральную эпоху — время правления Александра II, который через пять лет согласился с введением некоторых конституционных принципов, в том числе созданием представительного органа. Однако 1 марта 1881 г. император был убит бомбой террориста, и это оказалось еще одной роковой для России точкой бифуркации.

¹⁶ *Салтыков-Щедрин М.Е.* Культурные люди [Электронный ресурс] // Книгосайт — библиотека для всех. URL: <http://knigosite.org/library/read/84019> (дата обращения: 16.09.2015).

Конституционализм как родовой признак конституции

Итак, под конституцией стали понимать не просто акт высшей юридической силы и акт, закрепляющий основы строения и жизнедеятельности соответствующего государства, но акт, означающий, что в данном государстве нет какого-либо *всевластного* субъекта. Можно сказать и иначе: конституция в современном смысле этого понятия есть акт, *основанный на конституционализме*. Нет ли здесь тавтологии: с одной стороны, конституция основана на конституционализме, с другой — слово «конституционализм» обязано «конституции»? Попробуем разобраться.

Определений конституционализма к настоящему времени дано довольно много¹⁷. Сразу скажу, что являюсь противником определений, в которых содержание того или иного понятия расширяется до чрезвычайности. Понятно желание учесть все стороны, проявления, эффекты. Но в итоге страдает определенность понятия, оно становится неспецифичным, аморфным, сходным с другими, короче, теряет свой смысл.

Хотя «конституционализм» происходит от слова «конституция», но в политико-правовом смысле именно он определяет сущность «материнского» термина. Так сложилось исторически: сначала появился фено-

¹⁷ Среди сравнительно недавних работ отечественных авторов можно назвать две работы, содержащие обзор разных точек зрения: *Арутюнян А.А.* Конституционализм: проблемы постсоветской реальности. М.: Норма, 2013; *Чиркин В.Е.* Базовые ценности конституционализма в XXI в. // Современный конституционализм: теория, доктрина, практика: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. правоведения; РАП. Отд. конституционно-правовых исслед.; отв. ред. Е.В. Алферова, И.А. Умнова. М., 2013.

2. Конституция и конституционный строй

мен современной конституции, а уж потом *выражающий* ее суть термин «конституционализм». Но как идея конституционализм существовал задолго до появления первых современных конституций. Известный историк права **Гарольд Берман** (1918—2007) писал, что «хотя слово “конституционализм” было *придумано Американской революцией*, однако с XII в. во всех странах Запада, даже при абсолютных монархиях, широко высказывалась и часто принималась мысль о том, что в некоторых важных аспектах право переступает границы политики. Говорится, что монарх может творить закон, но он *не может творить его произвольно*, и до тех пор, пока он не переделает его, законным же образом, *он связан им*»¹⁸.

В России тоже были попытки связать осуществление власти правом. Но они не увенчались успехом. Как считал Б.Н. Чичерин, из-за того, что в XVI—XVII вв. «низы» не хотели, чтобы власть монарха ограничивали бояре. Он отмечал, что во времена земских соборов «бояре не раз старались при выборе царя ограничить его известными условиями. Но эти стремления не находили отголоска в земле, которая справедливо предпочитала самодержавие господству олигархии»¹⁹. Но что самое печальное, когда попытки ограничения царской власти удавались, они не воспринимались как императив: «Если даже при выборе Михаила Федоровича боярами *была взята с него запись*, подобная прежним, то в русской государственной жизни она *не имела никакого значения*. Никто на нее никогда не ссылался; никто не стоял за утвержденные ею права. Напротив, понятия о безграничности царской власти высказываются постоянно на земских соборах того времени»²⁰.

Известный венгерский конституционалист **Андраш Шайо** сформулировал такую дефиницию: «Конституционализм — это *ограничение государственной власти в интересах общественного спокойствия*»²¹. Тут схвачена суть конституционализма — ограничение власти. Однако определение не вполне точное. Конституционализм — это не само ограничение власти, а только *идея необходимости* такого ограничения.

¹⁸ Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 26—27.

¹⁹ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. С. 349.

²⁰ Там же. С. 352.

²¹ Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма) / пер. с венг. М., 2001. С. 20.

Более верной представляется дефиниция, данная в учебнике **С.В. Васильевой, В.А. Виноградова и В.Д. Мазаева**: «Конституционализм представляет систему идей, взглядов, представлений, оценок, которые соответствуют модели *справедливого демократического общества*»²². Впрочем, и здесь не со всем можно согласиться. Прежде всего потому, что не очень понятно, что означает «модель справедливого демократического общества». В частности, слово «справедливое» в паре с понятием «демократическое» предполагает противоположное понятие «*несправедливое демократическое общество*». А это, в свою очередь, переводит проблему демократии в спекулятивное русло. Однако главное тут в другом.

Действительно, конституционализм часто определяют и связывают именно с демократическим государством. Например, видный отечественный государствовед **В.Е. Чиркин** пишет, что «доктрина конституционализма является составной *частью общей теории демократии*»²³. Но в том-то и дело, что сама по себе демократия при определенных условиях может и противостоять праву, о чем будет сказано ниже. Так что ограничение власти необходимо не «для демократии», а для того, чтобы были обеспечены условия и средства правовой защиты личности. Вот почему даже без скидки на двухсотлетнюю давность нельзя не поразиться точности и емкости формулировки французской *Декларации прав человека и гражданина*, в п. 16 которой сказано без обиняков: «*Любое общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет конституции*».

Таким образом, хотя термин «конституционализм» обязан термину «конституция», в действительности конституционализм как идея предшествует конституции как акту, кладется в ее основание. Отсюда можно предложить следующее определение:

Конституционализм — это лежащая в основе конституции и реализуемая на ее основе идея ограничения государственной власти в целях обеспечения каждому человеку равной возможности обладать правами и свободами, пользоваться ими и защищать их.

²² Васильева С.В., Виноградов В.А., Мазаев В.Д. Конституционное право Российской Федерации: учеб. 2-е изд. М.: ЭКСМО, 2011. С. 51.

²³ Чиркин В.Е. Базовые ценности конституционализма в XXI в. С. 17.

2. Конституция и конституционный строй

* * *

Между тем часто можно встретить определения конституции, где нет даже намека на конституционализм. Конечно, при определении феномена конституции в ее современном значении допустимы акценты на каких-то свойствах. Но в таких случаях необходимо оговаривать, под каким углом зрения рассматривается понятие конституции. Для одних целей взгляд может быть сосредоточен на конституции как «установлении», для других — на конституции как «устроении». Если же такой оговорки нет, определение будет попросту искажать сущность, смысл и предназначение феномена конституции. Именно этим «грешат» два подхода, которые можно назвать формально-юридическим и «социологическим».

Два односторонних подхода к пониманию конституции

Формально-юридический подход

Г. Еллинек понимал конституцию государства как «совокупность право-положений, определяющих высшие органы государства, порядок призвания их к отправлению их функций, их взаимоотношения и компетенцию, а также принципиальное положение индивида по отношению к государственной власти»²⁴. В этой дефиниции внимание исследователя сконцентрировано исключительно на *содержании (предмете регулирования) конституции* как юридического акта. Это содержание сводится к двум моментам: 1) система, формирование, основные функции и полномочия высших органов власти и 2) основы правового положения личности. Тут, правда, нет указания на высшую юридическую силу конституции, но Еллинек ее подразумевал (если рассматривать эту цитату в контексте всей его работы).

В современной монографической и учебной литературе по конституционному (государственному) праву²⁵ конституция также часто

²⁴ Еллинек Г. Общее учение о государстве. С. 371.

²⁵ См., например: Конституционное право / отв. ред. А.Е. Козлов. М., 1996. С. 28; Конституционное (государственное) право зарубежных стран: в 4 т. Т. 1–2. Часть общая / отв. ред. проф. Б.А. Страшун. 3-е изд., обновл. и дораб. М., 1999. С. 44; Конституционное право / отв. ред. В.В. Лазарев. М., 1999. С. 53; Автономов А.С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 2005. С. 58; Шаповал В.Н. Сравнительное конституционное право. Киев, 2007. С. 43–44; Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. 4-е изд., перераб.

2. Конституция и конституционный строй

определяется исходя из формально-юридического подхода, т.е. как акт (совокупность актов*), который обладает *высшей юридической силой* и закрепляет (устанавливает) *основы организации и жизнедеятельности общества и государства*: права и свободы человека и гражданина, основы общественного строя, форму правления, территориальную организацию государства, систему органов публичной власти, основы их компетенции, государственную символику и столицу.

⇒ * Конституция — это не всегда один акт. Например, из трех конституционных актов состояла *Конституция Франции* (Третьей республики) 1875 г. Действующая *Конституция Швеции* включает четыре акта с названиями: «Форма правления», «Акт о престолонаследии», «Акт о свободе печати» и «Акт о Риксдаге».

Для инструментальных целей (прежде всего для того, чтобы *отличить конституцию от обычных законов* государства) такого рода определения вполне приемлемы. Но они не в состоянии выразить главный смысл конституции. Ведь какую информацию получает человек из таких дефиниций? Что это важнейший акт государства, закрепляющий основы его устройства и функционирования, а также основы взаимоотношений государства и индивида. Однако подобные дефиниции не отвечают на вопрос, в чем *смысл, значение, ценность* такого акта. Соответственно, мы не сможем ответить, например, на следующие вопросы:

- почему главы государств, вступая в должность, присягают на конституции и клянутся защищать ее как одну из важнейших ценностей государства?
- почему в моменты кризисов разные политические силы в современном государстве апеллируют именно к конституции?
- почему, наоборот, в случае государственного переворота в первую очередь объявляется о приостановке действия или отмене конституции?

В том-то и дело, что современная конституция — не просто правовой акт, обладающий высшей юридической силой и устанавливающий основы организации государства и положения личности в этом государстве. Она призвана установить (закрепить) далеко *не всякий* го-

и доп. М., 2008. С. 70–71. См. также: *Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000. С. 9.

сударственный строй. Вот почему, если нам нужно понять сущность феномена, мы не можем ограничиться его юридическими признаками. В противном случае подлинный смысл конституции будет искажен. Например, государства с авторитарными и даже тоталитарными режимами станут считаться конституционными (обладающими конституционным строем) только потому, что у них есть свои юридические конституции.

Яркая иллюстрация — все четыре советские конституции, и прежде всего так называемая *сталинская (Конституция СССР 1936 г.)*. «Прежде всего» — потому что именно ее сопровождает *устойчивый миф*, формулируемый в обиходе примерно так: Конституция СССР 1936 г. была самой передовой (демократической) в мире, только почти не действовала, плохо реализовывалась²⁶. Во многих нынешних учебниках по конституционному праву формулировки более осторожные и излагаются более академическим языком, но суть их та же²⁷. Я же утверждаю, что **законы, именовавшиеся «конституциями», в том числе 1936 г., вполне соответствовали тому строю и тем общественным отношениям, которые закрепляли.**

Миф о «сталинской конституции»

И ленинско-сталинский социцид (массовый террор), и «точечное» преследование инакомыслящих в брежневские времена *органично вытекали* из «конституции», по крайней мере ей не противоречили.

Во-первых, «сталинская конституция» довольно адекватно отражала реальность: власть захватила коммунистическая партия, которая,

²⁶ Ответы mail.ru. Лучший ответ [Электронный ресурс] // URL: <https://otvet.mail.ru/question/81484964> (дата обращения: 07.12.2015); Хандорин В.Г. Отечественная история: курс лекций. Томск, 2008 [Электронный ресурс] // Сайт «Учебные материалы». URL: <http://txb.ru/17/37.html> (дата обращения: 07.12.2015).

²⁷ См., например: Конституционное право: учеб. для бакалавров / отв. ред. В.И. Фадеев. М.: Проспект, 2013. С. 62; Колюшин Е.И. Конституционное (государственное) право России: курс лекций. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 34–35; Конституционное право России: учеб. / А.Е. Постников, В.Д. Мазаев, Е.Е. Никитина и др.; под ред. А.Е. Постникова. М.: ТК Велби; Проспект, 2007. С. 28–29; Нарутто С.В., Таева Н.Е., Шугрина Е.С. Конституционное право России: учеб. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2013. С. 37; Васильева С.В., Виноградов В.А., Мазаев В.Д. Указ. соч. С. 59.

2. Конституция и конституционный строй

в точном соответствии с доктриной, не могла потерпеть рядом с собой никаких оппонентов. Как уже отмечалось выше, в понимании этой доктрины социалистическое государство есть государство «трудящихся», или «трудового народа», цели и интересы которого едины. Отсюда — любой оппонент строя, даже просто думающий иначе, есть враг народа, враг государства. Уже из этого следует, что социалистическая «конституция» по самой своей природе *не может быть общественным договором*.

А во-вторых, коль скоро право в марксистском понимании есть воля народа, возведенная в закон, значит, выше этой воли не может быть ничего. Отсюда становилась *бесмысленной и главная идея современной конституции — ограничение власти*, обычно реализуемая посредством системы разделения властей.

Советская государственная машина действовала как раз *в полном соответствии не только с буквой, но и с духом собственной Конституции*. А этот дух, пронизывавший всю «сталинскую конституцию», был *тоталитарным* и не мог не быть таковым, коль скоро устанавливались:

- одно мировоззрение, одна идеология: СССР «есть социалистическое государство рабочих и крестьян» (ст. 1);
- одна — государственная — собственность (кооперативно-колхозная была по существу тоже государственной): «Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства» (ст. 3);
- тотальное планирование всей экономики: «Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом» (ст. 11);
- всеобщая трудовая повинность: «Труд в СССР является *обязанностью и делом чести* каждого способного к труду гражданина по принципу: “кто не работает, тот не ест”. В СССР осуществляется принцип социализма: “от каждого по его способности, каждому — по его труду”» (ст. 12). При этом гарантировалось *право* на труд.

Когда говорят о «демократизме» Конституции 1936 г., упускают из виду ту общественную систему, которую она выражала, и чаще всего апеллируют к «прогрессивности и демократизму» *конституционного*

статуса гражданина. Но и здесь, как ни странно, «не замечают» то, какие именно и как именно были сформулированы «права и свободы».

Любопытно отметить для начала саму юридическую технику. Например, «*избирательные права*» провозглашались не в гл. X «Основные права и обязанности граждан», а в гл. XI «Избирательная система». Такое выделение этой сферы, с одной стороны, было связано с тем, что именно «выборы» легитимировали советскую власть и потому она относилась весьма трепетно к самому факту их проведения, процентам голосующих и «проголосовавших за единый блок коммунистов и беспартийных»; с другой — требовалось особо подчеркнуть, что новая Конституция довольно существенно поменяла, конечно, не суть, но дизайн избирательной системы, установленный в Конституции РСФСР 1918 г. В частности, «сталинская конституция» сохранила институт *лишения избирательных прав*, хотя и сузила категорию «лишенцев» до «осужденных судом с лишением избирательных прав», тогда как в ст. 65 Конституции 1918 г. в избирательных правах отказывалось *всем* «представителям эксплуататорских классов и их пособникам». Такая «либерализация» обусловлена тем, что с «буржуазией» официально было покончено и объявлено, что социализм в СССР «*в основном построен*».

Особняком в сравнении с другими «политическими свободами» стояла и статья, закреплявшая «*право объединения*». Этому тоже есть объяснение. Поскольку любое объединение людей — потенциальная угроза тоталитарному строю, необходимо было закрепить полную подконтрольность самой возможности и уж тем более характера деятельности каких бы то ни было ассоциаций. Поэтому ст. 126 гласила:

«В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных».

2. Конституция и конституционный строй

Таким образом, всякая общественная самодеятельность резко ограничивалась и ставилась как бы под двойной контроль — с одной стороны, идеологический («в соответствии с интересами трудящихся»), с другой — «идейно-организационный»: наличие «руководящего ядра всех организаций» означало, что не может быть ни одного общественного объединения, неподконтрольного представителям партии-государства.

Всем остальным «политическим свободам» (слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций) «досталась» одна ст. 125. Но, в конце концов, эти формальные моменты не так важны. Важно, что некоторые «свободы» все-таки провозглашались. Тогда *неужели печально известная ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.* противоречила Конституции?*

⇒ * В УК РСФСР 1922 г. статьи не имели названий. Именовались только главы и разделы внутри глав. Статья 58 входила в раздел 1 «Контрреволюционные преступления» гл. 1 «Государственные преступления». Но на самом деле было несколько статей с номером 58 (доходило почти до двух десятков). Просто они помечались разными значками (цифрами, например 58-4, а порой еще и буквенными обозначениями: 58-1а, 58-1б и т.д. до «г»). Каждая из статей имела свои гипотезу, диспозицию и санкцию.

В ст. 58-10, в частности, говорилось: «*Пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. ст. 58-2—58-9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев*» (отсутствие верхнего предела допускало, что человека можно приговорить и к смертной казни).

Нет, *никакого противоречия с Конституцией здесь не было*. Ведь в ст. 125 перечисление «свобод» предварялось все же условием: «*В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя*». Вряд ли нужно долго объяснять, почему не то что критика, но и просто «косой взгляд в сторону власти» квалифицировался как контрреволюционная деятельность и это было вполне «конституционно»!

Напомню также, чем заканчивалась ст. 125: «Эти права (политические свободы. — М. К.) граждан обеспечиваются *предоставлением* трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходи-

мых для их осуществления». **М.В. Баглай** верно замечает, что *материальные гарантии* «в действительности ничего не могли гарантировать, а только усиливали зависимость человека от государства»²⁸.

Сказанное относится не только к сфере политических и личных прав и свобод, но даже к правам социальным. Например, выше уже говорилось о существовании одновременно права на труд и обязанности трудиться, при этом «тунеядство» было уголовно наказуемым деянием.

Надеюсь, понятно, почему такой «конституции» ничуть не противоречили ни репрессии, ни отсутствие правосудия, ни принудительный труд, ни фактически крепостная зависимость колхозников, ни лишение отдельных лиц гражданства, ни многие другие антиправовые явления. Так что все советские «конституции» вполне «соблюдались». Однако последнее слово я тоже ставлю в кавычки, поскольку о соблюдении в подлинном конституционно-правовом смысле речь не шла: не было ни специальных институций, призванных контролировать соответствие нормативных актов и правоприменительной практики нормам «конституции», ни конституционного сознания, ни, следовательно, апелляции к акту под названием «конституция». Так что призыв советских правозащитников «Соблюдайте вашу конституцию!» носил морально-политический характер, но не конституционно-правовой.

«Социологический» подход. Концепция Ф. Лассалья

Противоположный подход к пониманию конституции можно назвать «социологическим» или даже «биологическим». Б.Н. Чичерин именовал такой подход «историческим». Но как бы его ни называть, характерная черта его состоит в том, что конституция как юридический акт заслоняется конституцией как *фактическим* состоянием общества и государства. Нетрудно понять, что здесь «конституция» выступает в значении *устройства*.

Ярким представителем такого подхода был **Жозеф-Мари де Местр** (1753–1821), который заявлял, что «все писаное ничего не значит, и сме-

²⁸ Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для юрид. вузов и факультетов. 2-е изд., изм. и доп. М.: НОРМА — ИНФРА-М., 1999. С. 48.

2. Конституция и конституционный строй

ялся над людьми, признающими только те конституции, которые можно положить в карман»²⁹.

Де Местр, будучи политическим консерватором, крайне отрицательно относился к революциям вообще и к Французской в частности. Б.Н. Чичерин писал о де Местре: «В противоположность многочисленным революционным конституциям (во Франции. — М. К.), которые появлялись, как блестящие метеоры, и падали так же быстро, как воздвигались, он указывал на *конституцию английскую**, возникшую и развивавшуюся постепенно, из элементов, искони лежавших в народной жизни. <...> Доселе у консервативных писателей кодификация (здесь: составление писаной конституции. — М. К.) считается *признаком революционных идей*»³⁰.

⇒ * Вообще раньше политические писатели любили ставить в пример именно Англию, поскольку ее система власти виделась как сбалансированная, в том числе потому, что там издавна существовал относительно сильный парламент. Однако нельзя забывать, что и эта страна пережила довольно много революционных событий и смутных времен.

Что ж, действительно, конституции многих государств появлялись и появляются как итог социальных катаклизмов, неважно, вызванных внутренними или внешними причинами. Но де Местр был совершенно неправ, полагая, что конституция — лишь «юридическая игрушка» в руках очередной революционной группы.

Феномен конституции появился не потому, что кому-то пришла в голову мысль о необходимости фиксации некоей системы власти посредством юридического акта, — он появился на вполне определенном этапе исторического развития европейской цивилизации, когда была осознана идея конституционализма. И если говорить о Франции конца XVIII — первой половины XIX в., то юридические конституции здесь в самом деле слишком часто сменяли одна другую и потому к ним может быть применима метафора «блестящие метеоры». Но нельзя не видеть и того, что при всех переворотах сохранялась идея *конституционализма*. Например, даже при Реставрации Людовик XVIII не посмел формально восстановить абсолютизм (ни до, ни после «Ста дней»), равно как и сменивший его Карл X (другое дело, что режим правления этих монархов не очень соответствовал конституционным принципам).

²⁹ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. С. 498.

³⁰ Там же.

Через полвека у де Местра появился «единомышленник», Фердинанд Лассаль, который также пренебрегал юридической конституцией. Я поставил здесь кавычки, поскольку революцию Лассаль считал как раз необходимой для изменения конституции. Не потому, что почитал силу, а потому, что был убежден в ее первичности. Он, в частности, писал: «Хотя несомненно, что право должно бы предшествовать силе, но в действительности сила всегда предшествует праву, и до тех пор предшествует ему, пока право с своей стороны не наберет достаточно силы, чтобы сломить силу бесправия»³¹.

Ф. Лассаль жил в Пруссии, которая в то время была самой мощной из всех немецких монархий. Но прусский король не являлся уже абсолютным монархом. Под влиянием революционных событий, прокатившихся по всей Европе в 1848 г., была принята Конституция Пруссии 1850 г., которая предусматривала принцип разделения властей и провозглашала некоторые права личности. Однако часть прусского общества желала еще большей политической свободы и участия в государственных делах. К тому же «модными» стали социалистические идеи, что дало повод Марксу и Энгельсу оптимистично начать свой «Манифест коммунистической партии» со слов: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма»³².

В этих условиях часть прусского общества задалась вопросом: как потеснить или вообще лишит власти монарха? И поскольку понятие «конституция» уже прочно вошло в европейский дискурс, обсуждалось то, каким образом можно изменить прусскую Конституцию. В разгар этих дискуссий, в 1862 г., социалист Ф. Лассаль выступил с речью, которая так и называлась — «О сущности конституции». И начал с иронии по поводу ее формальных определений:

«Теперь все с раннего утра до позднего вечера толкуют о конституции. Во всех газетах, во всех обществах, во всех трактирах только и речи, что о конституции. Однако, если я спрошу серьезно: в чем состоит сущность, понятие конституции, — то весьма опасаясь, что из стольких рассуждающих найдется очень немного способных дать удовлетворительный ответ. Многие

³¹ Лассаль Ф. Сила и право (Открытое письмо редактору «Реформы») // Сочинения Фердинанда Лассаля. С. 54.

³² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 423.

2. Конституция и конституционный строй

при этом вопросе почувствуют необходимость схватиться за том Собрания законов 1850 г. и прочесть в нем о прусской конституции. Но вы видите, что это не будет ответом на мой вопрос. Ведь в том же этом помещено только особенное содержание известной, именно прусской конституции, и, стало быть, *он не может дать ответа на вопрос: в чем состоит сущность, понятие конституции вообще?* Если я задам этот вопрос юристу, он скажет мне в ответ: “Конституция есть договор, клятвенно заключенный между королем и народом и *устанавливающий основные принципы законодательства и управления страны*”. Или, так как есть и республиканские конституции, он даст более общее определение: “Конституция есть провозглашенный в стране *основной закон, устанавливающий организацию публичного права в этой нации*”.

Но все эти и тому подобные формальные юридические определения так же далеки от настоящего ответа на мой вопрос, как и предыдущий ответ. Все они представляют лишь *внешнее описание* того, как делается конституция и что она делает, не объясняя, что такое конституция. Они дают критерии, признаки, по которым можно *внешним и юридическим образом* знать конституцию. Но они *не говорят нам, в чем сущность конституции*. Поэтому они оставляют нас в совершенном неведении насчет того, хороша или дурна, возможна или невозможна, прочна или не прочна данная конституция»³³.

Что же взамен предлагал Лассаль? Если совсем коротко, то конституцией он считал *реальную картину данного общества*, т.е. исходил из сугубо «биологического» значения понятия «конституция» — как основных морфологических и функциональных особенностей организма. Но поскольку Лассаль апеллировал не к правовым явлениям, а к социальным, я и назвал такой подход «социологическим». В пользу своего понимания Ф. Лассаль нарисовал следующую гипотетическую ситуацию:

«Вам известно, господа, что в Пруссии только то имеет законную силу, что обнародовано в собрании законов. Собрание законов печатается в главной правительственной типографии Декера. Оригиналы законов сохраняются в известных государственных архивах; печатные собрания законов — в других архивах, библиотеках и магазинах.

Предположим же, что сделался страшный пожар, вроде гамбургского, и что в нем *сгорели все эти государственные архивы, библиотеки, магазины и главная правительственная типография Декера*; предположим, что по странному стечению обстоятельств то же случилось и в других городах монархии, что погорели даже частные библиотеки, в которых были собрания законов, так что во всей Пруссии не осталось ни единого закона в достоверной фор-

³³ Лассаль Ф. О сущности конституции. С. 6.

ме. Таким образом, страна лишилась бы всех своих законов, и ей ничего не оставалось бы, как приняться за составление новых. Ну, как же вы думаете, господа? Можно ли было бы поступать в этом случае произвольно, *создать произвольно новые законы*, и такие, какие вздумалось бы? Посмотрим.

Положим, вы сказали бы: законы погибли, будем создавать новые и при этом уже не дадим монархии того положения, которое она до сих пор занимала, или даже вовсе не дадим ей никакого положения.

*Король просто-напросто сказал бы на это: законы погибли, но что же из этого? Фактически мне повинуется армия, идет, куда я прикажу ей; фактически коменданты арсеналов и казарм выдадут по моему приказу пушки, и артиллерия выедет с ними на улицы, и, опираясь на эту фактическую силу, я не хочу, чтобы вы делали мне иное положение, кроме того, какого я желаю. <...> Итак, господа, мы знаем теперь, что такое конституция страны, а именно: **существующие в стране фактические отношения силы***³⁴.

Говоря об «отношениях силы» (соотношении сил), Лассаль имел в виду не только монарха и народ, но и, исходя из тогдашней прусской реальности, такие «части конституции», как представители банковского капитала, крупные землевладельцы, промышленники, мелкие буржуа, наемные рабочие и т.д. К этому он прибавлял *общественное сознание* («общее сознание, общее развитие есть также часть конституции»³⁵).

Юридическую конституцию («установление») Лассаль считал необходимой только для того, чтобы оформить конституцию *фактическую* («устроение»). Причем, «когда писаная конституция не соответствует действительной, между ними происходит столкновение, которого ничем нельзя предупредить и в котором писаная конституция, листок бумаги, неизбежно побеждается действительной конституцией, действительными отношениями силы, существующими в стране»³⁶.

В самом деле, конституция не может абстрагироваться от характера, особенностей культуры конкретного общества, его структуры, уровня экономического развития страны. Однако *сущность* ее вовсе не в этом! Больше того, Лассаль вообще *уводит от понимания смысла, предназначения конституции, подменяя вопрос о ее сущности проблемой «как изменить общественный строй»*.

³⁴ Там же. С. 9–10.

³⁵ Там же. С. 10–13.

³⁶ Там же. С. 22.

2. Конституция и конституционный строй

Для Лассалья писаная конституция подобна, как говорил он сам, «листу бумаги, подписанному нацией, или нацией и ее королем, и объявленному конституцией, *каково бы ни было его содержание*»³⁷. Это — принципиальная ошибка. Правовед и философ **Е.В. Спекторский** (1875–1951), посвятивший отдельную работу критике концепции Лассалья, верно заметил, что «власть всегда может вырождаться в произвол и даже деспотизм, совершенно независимо от того, принадлежит ли она одному лицу, например монарху, или же представителям класса, а то и целому классу. *Власть всегда опьяняет тех, кто ею пользуется. И чем сильнее власть, тем больше опасность злоупотребления ею*»³⁸.

Не случайно лассалевская концепция так пришлась по душе В.И. Ленину, который воспроизвел ее суть в словах: «Что такое конституция? *Бумажка*, на которой записаны права народа»³⁹.

В мою бытность студентом юридического факультета эту цитату мы обрывали на слове «бумажка», думая, что выражаем свою фронду. А на самом деле просто не понимали, что и слова «права народа» смысл не меняют. Ведь какие бы права ни были записаны (кстати, точнее говорить о правах человека), они останутся пустым звуком, если конституция не построена на таких принципах организации и функционирования государственной власти, которые *позволяют эту власть ограничить*.

Спекторский совершенно правильно обратил внимание на то, что далеко не всякое соотношение сил может быть *правомерным*: «Когда *убийца или грабитель* нападает на свою беззащитную жертву, получается вполне определенное реальное соотношение сил в данный, по крайней мере, момент. Но кто станет утверждать, что такое соотношение и есть единственно возможное право?»⁴⁰. Поэтому, писал он далее, при определении сущности конституции только как «фактической» игнорирует-

³⁷ Лассаль Ф. О сущности конституции. С. 6.

³⁸ Спекторский Е.В. Что такое конституция? // Хрестоматия по конституционному праву: учеб. пособие. Т. I: История, теория и методология конституционного права. Учение о конституции / сост. Н.А. Богданова, Д.Г. Шустров. СПб.: Изд. дом «Алеф Пресс», 2012. С. 542–543.

³⁹ Ленин В.И. Между двух битв // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 12. М.: Политиздат, 1968. С. 54.

⁴⁰ Спекторский Е.В. Указ. соч. С. 542.

ся понятие *конституционного государства*, которым «является такое, где власть не только организована, но еще и *ограничена*, и притом не фактически только, а *юридически или правомерно*»⁴¹.

Анализируя текст речи Лассалья, нельзя утверждать, что он выступал за конституцию, построенную на чем бы то ни было всевластии, обладании монопольной властью. Но его понимание открывало дорогу «конституциям», фиксирующим как раз власть («соотношение сил») «убийцы или грабителя над их жертвой».

Характерно тут продолжение процитированной мысли Ленина, начинающейся словами о «бумажке, на которой записаны права народа»: «В чем гарантия действительного признания этих прав? В *силе* (в цитате курсив Ленина. — М. К.) тех классов народа, которые осознали эти права и сумели добиться их. Не будем же обольщаться словами, — это приличествует только красной буржуазной демократии, — не будем ни на минуту забывать того, что *сила* доказывает себя *только* победой в борьбе, и что мы далеко еще не одержали полной победы. Не будем же верить красивым фразам, — мы переживаем как раз такое время, когда идет открытая борьба, когда все фразы и все обещания проверяются немедленно на деле, когда словами, манифестами, посулами конституции *одурачивают* народ, стараются ослабить его силы, разрознить его ряды, побудить его к разоружению»⁴². Откуда эти слова об «одурачивании посулами конституции»? Дело в том, что Ленин писал статью «Между двух битв» в ноябре 1905 г., месяц спустя после издания Манифеста от 17 октября, даровавшего ряд политических свобод и вместе с Манифестом от 6 августа 1905 г. ставшего основанием для первой русской Конституции — Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г. Вот этого и опасался вождь большевиков: что постепенное конституционное развитие отвлечет массы от идеи полного переустройства государственности на основе большевистской конструкции. Поэтому он писал, в частности: «Толкуют о свободе, говорят о народном представительстве, ораторствуют об учредительном собрании и забывают постоянно, ежечасно и ежеминутно, что все эти хорошие вещи — пустые фразы без серьезных гарантий. А серьезной гарантией может быть *только* победоносное народное восстание, *только* полное господство вооруженного пролетариата и крестьянства над всеми представителями царской власти, которые отступили шаг назад перед народом, но далеко не подчинены еще народу, далеко не низложены народом»⁴³.

⁴¹ Там же. С. 544.

⁴² Ленин В.И. Между двух битв. С. 54.

⁴³ Там же. С. 53.

2. Конституция и конституционный строй

Увлечшись революционными методами общественных изменений, Ф. Лассаль проигнорировал, что *современные конституции как раз и появились ради того, чтобы гарантировать ценности, необходимые всем и каждому* (общечеловеческие ценности). Спекторский по этому поводу заметил:

«И капиталист и рабочий, и горожанин и крестьянин *равно заинтересованы в том, чтобы не подвергаться произвольному аресту, иметь право свободно высказывать свои мнения, участвовать в управлении страной и т.п.* Словом, конституция есть нечто такое, что, нисколько не устраняя классовой борьбы и отнюдь не обещая этого, *равно необходима для всех*, подобно просвещению и другим благам культуры»⁴⁴.

С этой ошибкой Лассаля связана еще одна, о которой, впрочем, я уже говорил, — *низведение писаной конституции до уровня официального фиксатора сущего*. Е.В. Спекторский писал, что есть силы, которые «отвергают конституцию потому, что она рассчитана на мирное, органическое течение государственной жизни. Они же, мятежные, ищут бури»⁴⁵. Правда, слово «отвергают» здесь неточно. Те же большевики не отвергали юридическую конституцию, они просто не придавали ей значения правового акта, позволяющего стать реальной основой для всего остального корпуса юридических актов. И концепция Лассаля играла им на руку. Тот же Спекторский подметил, что эта концепция фактически базируется на ущербной методологии марксизма. Ее суть — в разделении материальной и духовной сфер бытия соответственно на «*базис*» и «*надстройку*», причем последняя полностью детерминирована первым.

Согласно «историческому материализму», писал Е.В. Спекторский, «*конституционные и всякие иные правовые и государственные идеи и установления не имеют ни решающего, ни вообще существенного значения*, ибо главное в общественной жизни — это борьба экономических классов, преимущественно капиталистов и рабочих, за хозяйственные блага. В этой борьбе конституции и кодексы как бы сами собою, автоматически надстраиваются над экономическим фундаментом общества, отражая существующее в нем реальное соотношение сил. С точки зрения такого понимания вещей, *бесплодны все усилия юристов и политиков дать своей стране возможно лучшую конституцию*

⁴⁴ Спекторский Е.В. Указ. соч. С. 542.

⁴⁵ Там же. С. 543.

или вообще какую бы то ни было искусственную конституцию: ведь у каждой страны и без этих усилий есть своя совершенно естественная конституция, иными словами, реальное соотношение общественных сил»⁴⁶.

Юридическая конституция имеет самостоятельную ценность, ибо способна *умиротворить общество, стабилизировать общественные отношения, ввести политическую борьбу в правовое русло*. Ведь если задачей юридической конституции является фиксация «действительной», что будет происходить впоследствии, когда изменится «фактическое отношение силы»? Снова революционный взрыв?

В том-то и состоит одно из ключевых значений писаной конституции (если, конечно, она основана на конституционализме), что она способна формировать и затем укреплять **конституционное сознание** (некоторые говорят о *конституционной культуре*), включающее прежде всего признание установленных конституцией правил, готовность их соблюдать, даже если они мешают какой-то политической силе достичь тактических целей.

Другое дело, что *наличествующий уровень общественного сознания* не может слишком сильно расходиться с декларируемыми конституционными ценностями. Д.Г. Шустров верно замечает: «Конституция, чтобы быть действительной, а не фиктивной, *должна отражать близкий к существующему (не отдаляясь сильно) уровень конституционной культуры общества*, но одновременно она должна *влиять на формирование более высокого уровня конституционной культуры общества*. Получается, что если конституция отображает *существующий уровень конституционной культуры общества*, то она будет действительной, но не будет формировать ее более высокий уровень. Если конституция отражает *более высокий уровень конституционной культуры общества*, чем существует на самом деле, то она может стать фиктивной и в конечном итоге может его не сформировать, поскольку взамен может вызвать у граждан конституционное отчуждение. Это известная проблема “игры на опережение” в конституционном праве, мудрого сочетания программных и дескриптивных элементов в конституционном регулировании»⁴⁷.

У Лассалья же на первое место выходит сознание *революционное*, крайне опасное для государственности. И это позволяет сказать еще об

⁴⁶ Там же. С. 541.

⁴⁷ Шустров Д. *Essentia constitutionis: Конституция Российской Федерации в фокусе теорий конституции XX–XXI веков*. Ч. 2 // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 5. С. 83.

2. Конституция и конституционный строй

одной ошибке лассалевской концепции — об игнорировании понимания конституции как общественного договора, что предполагает *компромиссный характер ее содержания*.

Вновь процитирую Е.В. Спекторского, который писал, что революционеры «упускают из виду, что революция — это как бы *лихорадка* общественного тела. Временная лихорадка обновляет организм, *постоянная же убивает его*. А кроме того, после лихорадочного возбуждения обыкновенно наступает слабость, апатия, усталость. И вот нельзя рассчитывать на то, чтобы революционное возбуждение длилось годами и даже вечно. Люди не могут долго выдержать напряженного ожидания переворотов, когда завтра, завтра утром, а, может быть, еще и сегодня вечером может наступить полное изменение всех общественных и политических отношений. Опыт истории слишком убедительно показывает, что *за эпохами революционного подъема неизбежно следуют такие времена, когда общество устает, впадает в апатию, теряет веру не только в революции, но даже и в реформы*. Тогда оно отказывается от сознательного переустройства своей жизни и предоставляет себя во власть или естественного, косного течения событий, или даже реакционных сил, которые обыкновенно в это время поднимают голову и торжествуют. И вот очень неосмотрительно поступают те, которые, пренебрегая этим обычным исходом революционных движений, *тешат себя и других иллюзией вечной революции и не спешат использовать революционный кризис для того, чтобы закрепить фактическую свободу, превратить ее в правовую* и тем достойно подготовиться к борьбе с апатией и реакцией»⁴⁸.

Но ведь многие конституции появлялись как раз в ходе (итоге) революций, скажете вы. И будете правы. Однако *революция революции рознь*. Одно дело, если она направлена на завоевание всей полноты власти, и другое — если целью революции является установление институциональных условий, при которых ни одна социальная группа и ни одно мировоззрение не выталкивается из публичной жизни.

⁴⁸ Спекторский Е.В. Указ. соч. С. 541.

Значение КОНСТИТУЦИИ

Аристотель утверждал, что государство «создается не ради того, чтобы жить, но преимущественно для того, *чтобы жить счастливо <...>*»⁴⁹. Однако К. Поппер был, на мой взгляд, точнее, говоря, что *«не существует институциональных средств, позволяющих сделать человека счастливым»*, можно лишь стремиться к тому, «чтобы его избавили от несчастий, которые человечество способно предотвратить»⁵⁰. Вот эту задачу как раз и выполняет конституция. А понимание такой задачи делает современное общество цивилизованным. Вновь приведу суждение Е.В. Спекторского:

«Она (конституция. — М. К.) не устраняет социальной борьбы, религиозной, классовой и иной. Зато она вводит ее *в культурную форму*. Она не производит социальных реформ. Зато она создает для них *законную возможность*. Она вообще не разрешает по существу ни одного общественного вопроса. Зато *без нее нельзя разрешить ни одного вопроса*, ибо она *устанавливает пути* для разрешения всяких общественных вопросов»⁵¹.

Такая миссия конституции становится возможной благодаря тому, что она утверждает *две основополагающие идеи*, на которых строится современная государственность.

Первая идея — ***признание права на человеческое достоинство в равной степени за каждым человеком***. Сегодня это воспринимается как аксио-

⁴⁹ Аристотель. Политика // Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством. М.: ЭКСМО; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 395.

⁵⁰ См.: Поппер К.Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1: Чары Платона / пер. с англ.; под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 200.

⁵¹ Спекторский Е.В. Указ. соч. С. 548.

2. Конституция и конституционный строй

ма, и вряд ли кто-либо без риска потерять свою репутацию займется опровержением фундаментального принципа, зафиксированного в ст. 1 Всеобщей декларации прав человека ООН⁵² (принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.): «*Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах*». А ведь еще два с лишним века назад это не только не казалось очевидным, но и воспринималось как покушение на общественные устои.

Вторая идея призвана обеспечить реальность первой, т.е. гарантировать условия, при которых человеческое достоинство может быть защищено правовыми средствами. Для этого требуется **конструкция власти, которая бы ограждала общество от произвола и тирании**. Такая конструкция возможна, если она зиждется на принципе *разделения властей*. Об этом подробнее будет сказано ниже, а здесь лишь подчеркну, что разделение властей имеет, так сказать, *отрицательную* направленность. Этот принцип содержит в себе *презумпцию не добродетелей (знаний, мудрости, благородства и т.п.) властвующих, а, наоборот, их подверженности земным соблазнам*. Как бы ни был «хорош» властвующий, но, с одной стороны, на него способны негативно повлиять длительность правления и его окружение, с другой — вовсе не обязательно, что «хорошего» правителя сменит «лучший» или хотя бы «такой же». К. Попперу принадлежат замечательные слова:

«Ясно, что как только задается вопрос “*Кто должен править?*”, трудно избежать такого ответа, как “лучший”, “мудрейший”, “рожденный править”, “тот, кто владеет искусством правления” или, может быть, “всеобщая воля”, “раса господ”, “индустриальные рабочие”, “народ”. Этот ответ звучит вроде бы убедительно — в самом деле, кто станет защищать правление “худшего”, “величайшего идиота” или “рожденного рабом”? <...> Если мы с этим согласимся, то нам придется ответить на вопрос, не сталкивается ли политическая мысль с самого начала с возможностью дурного правительств, не должны ли мы *готовиться к худшим правителям, надеясь на лучших*. Однако это ведет к новому взгляду на проблему политики, так как нам теперь требуется на место вопроса “Кто должен править?” поставить другой вопрос: “*Как нам следует организовать политические учреждения,*

⁵² Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс».

чтобы плохие или некомпетентные правители не нанесли слишком большого урона?»⁵³.

В каждой стране конституционная модель индивидуальна. Но при любой модели конституционное государство зиждется на двух названных идеях. В противном случае конституция теряет свой смысл. На основе сказанного можно представить следующее определение:

Конституция — это обладающий высшей юридической силой правовой акт (совокупность актов), закрепляющий такие основы организации и жизнедеятельности общества и государства, которые гарантируют правовое ограничение публичной власти, подконтрольность государства обществу и тем самым обеспечивают основные права и свободы человека.

* * *

К сожалению, условия, в которых разрабатывалась и принималась Конституция Российской Федерации 1993 г., ***не обеспечили ее характер как договора о правилах, выгодных всем слоям общества и всем легальным политическим силам.*** И это наложило значительный отпечаток на *конструкцию власти*, которая, в свою очередь, обусловила постепенный отход от конституционного духа, от соблюдения основных принципов конституционного строя.

⁵³ *Поппер К.Р.* Указ. соч. Т. 1. С. 160–161.

Учебное издание

Краснов Михаил Александрович

**Введение в конституционное право
с разъяснением сложных вопросов:
учебное пособие**

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *Г.Е. Шерихова*

Художник *В.И. Каменева*

Компьютерная верстка: *О.А. Быстрова*

Корректор *О.И. Ростковская*

Подписано в печать 09.08.2018. Формат 70×100/16
Гарнитура Newton. Усл. печ. л. 37,1. Уч.-изд. л. 25,5
Печать офсетная. Тираж 600 экз. Изд. № 2186. Заказ №

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: 8 (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59